

МАРИАННА КРАСОВСКАЯ

ТАНЦЫ С БУБНОМ
И
ПРИНЦ В ПРИДАЧУ

Марианна Красовская

Танцы с бубном и принц в придачу

<https://litres.ru/72826422>

SelfPub; 2025

Аннотация

Кого же выбрать попаданке, шамана или принца?

Первый выдернул меня из привычной жизни, научил всякому и теперь требует, чтобы я спасла мир. А еще он мне снится, причем обычно голым. Так и хочется дать ему в бубен!

Второй красиво ухаживает и дарит дорогие подарки. Но весь такой загадочный и скрытный Зато у него даже белый конь имеется!

Впрочем, какая там любовь, если идет война, да еще демоны полезли из Нижнего Мира? Вот разберусь с гулями и мимирами, и тогда решу, кто мне больше мил. Пока же оба хороши!

Содержание

Глава 1. Шаман	4
Глава 2. Ведьма	12
Глава 3. Ментальная эротика	23
Глава 4. Перспективы	33
Глава 5. Принятие	41
Глава 6. Магия вокруг	51
Глава 7. Магия внутри	61
Глава 8. В долине теней	71
Глава 9. Времени мало	83
Глава 10. А в бубен?	93
Глава 11. Новая роль	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Марианна Красовская

Танцы с бубном и принц в придачу

Глава 1. Шаман

Забавно, конечно, что я прекрасно понимала, что сплю. И еще помнила, что этот сон снится мне не в первый раз. Туман, или, может, дым костра. Стук бубна. Темный силуэт. И глубокий мужской голос, зовущий меня:

– Дара, Дара, ты нужна мне. Приди.

– Ага, щаз, – отвечаю я. – Делать мне больше нечего. Тебе нужно, ты и иди.

– Дара, ты избранная. Тебе суждено спасти мою страну.

– Очень смешно, – я переворачиваюсь на другой бок в надежде, что сон закончится. Примета ведь такая есть. А еще говорят, что если про сон кому-то рассказать, то он прекратит сниться. У меня, кстати, не сработало: я Муське уже все уши прожужжала про долбаного шамана, но он упорно продолжал меня домогаться по ночам.

– Дара, это не шутки. Сейчас ткань между мирами как никогда тонка. Тебе нужно сделать только шаг.

– Слушай, чувак! – Я поняла, что избавиться от навязчи-

вого гостя не получится. – Ты кто вообще такой? Покажись уже, а! Надоело с туманом разговаривать.

Самое обидное, что после таких снов я по утрам совершенно разбитая. И потом весь день носом клюю и медленно моргаю.словно этот бубен из меня энергию вытягивает. Чем быстрее я разделаюсь с шаманом, тем больше времени останется на сон.

– Зачем тебе меня видеть?

– Ну как зачем? А вдруг ты – чудовище?

– Я не чудовище.

– Почему мне знать. Ты же постоянно дымишь.

– Это специальные травы. Но ты права. Возможно, заглянув мне в глаза, ты согласишься.

И темный силуэт замахал руками, разгоняя серую хмарь. На мгновение я оживилась: а вдруг это эльф? Ну, такой красивый остроухий блондин с зелеными глазами! Или индеец, краснокожий и в шапке из перьев. Но нет, из тумана показался вроде бы вполне обычный человек. Даже не азиат на вид. И не голый, что тоже довольно обидно. Мой ведь сон, почему такой скучный?

Темные глаза, узкое лицо, разрисованное разноцветными завитушками, длинные черные волосы. Нос обычный, губы тонкие. Не красавец. И не слишком молод: ему с одинаковой вероятностью может быть как тридцать, так и все пятьдесят. Из-за аквагрима непонятно. Одежда тоже ничем не выдающаяся: серая рубаха без ворота. Из любопытного разве что

узкая повязка на лбу, расшитая голубыми и желтыми бусинами и бубен в левой руке. Такой... аутентичный. Вроде как кожаный, с веревочками, на концах которых болтаются кости, перья и серые камушки.

Я была права. Шаман как он есть.

– Видишь, я человек. Теперь согласна?

– А в бубен дашь постучать? – Мне становится смешно.

– Да.

– Обещаешь?

– Да.

– Прикольно.

– Я могу считать это согласием? – Шаман на удивление терпелив. Хотя не будет же он орать на меня в моем же сне? Или будет?

– Считаю чем хочешь, – зеваю я. – Только дай выспаться.

– Спи, Дара, – вздыхает мужчина, и глаза его вдруг вспыхивают алым огнем. – Спи.

Бешеный самокатчик пронесся мимо на совершенно безумной скорости. Я едва успела отскочить в сторону, толкнув какого-то прохожего и чуть не опрокинув урну с мусором.

– Да чтоб у тебя колесо отвалилось, придурок! – крикнула я вслед моему потенциальному убийце. Тут же спохватилась и добавила: – Но в безопасном месте и на невысокой скорости.

Дядька, которого я толкнула, поглядел на меня как на дуру, а я только пожала плечами. Не объяснять же ему, что я вовсе не добренькая, даже и наоборот – злая и противная, а просто я чуточку ведьма. Все, что ни пожелаю от чистого сердца – сбывается. Только, мать его, наоборот! Ну типа я вот щас пожелаю придурку, чтобы у него колесо отвалилось. А оно непременно отвалится, но не факт, что у него. Зато у меня – стопудово. Наоборот, к сожалению, никогда не работало. Сколько я Муське ни желала много денег и принца на белом коне, ничего не сбылось. Причем желала-то я искренне, уж кто-кто, а Муська за все ее страдания заслужила немного счастья, но сбывалось все равно только нехорошее. Видимо у меня это... глаз недобрый. Ну оно по мне сразу видно. Батя говорил, что я страшная, шо пипец – со своими разноцветными глазами. Гетерохромия – во. Это мне Муська про такое явление рассказала, ей мои глаза очень нравятся. Как по мне – ничего хорошего, но и не ужас-ужас. Если очки-хамелеоны надеть, то и не заметно.

Да пофиг. Я достала из кармана телефон, глянула на время и злобно засопела. Опять на пару опоздаю! Как всегда! И ладно б сейчас метрология была, так ведь нет, сопромат этот долбаный. А препод меня и так терпеть не может. Нацист поганый. С чего-то он взял, что у меня в роду отметились татары. А у меня и имя русское – Дашка, и фамилия вполне себе Измайлова, почти как станция метро. И даже глаза совсем чуточку раскосые, но оба светлые. Сам он... еврей по-

ди. Или поляк какой-нибудь.

Мне повезло: нужный автобус прибыл точно по расписанию. Все же это Москва, а не какая-то там мухосрань, где и автобусов нормальных нет, только пазики. Как в моем родном городе. Короче, я даже не опоздала. Правда, пришлось бегом бежать.

– Дусь, ну ты чего, – шипела Муська чисто как помойная кошка. – Время-то! Вышли же вовремя!

– Норм. Я просто...

К счастью, тяжелый взгляд препода спас меня от очередной лжи. Никакой объективной причины для опоздания у меня не было. Я тупо сидела на лавке в парке и пила кофе. Сладкий горячий кофе, который не могла себе позволить. Но позволила, потому что именно этот прекрасный момент позволяет мне перенести кошмар под названием «сопромат».

Препод диктовал очень быстро и ничего толком не объяснял, но я не тревожилась. Муська потом мне все расскажет, она умная. Слишком умная, как по мне. Ей бы в нормальный универ... На юриста там или АйТи. А может и в пед – она детей не боится. Но она почему-то поступила в Политех на техмаш. По льготе – как сирота. Вместе со мной. И мне, и ей тут не нравится. Не по душе. Но поменять что-то – обе боимся. В этом только мы и похожи, а вообще совершенно разные, как инь и янь, как лед и пламень. Но почему-то сдружились. По сути, Муська – моя первая нормальная подруга.

Остальные были так – выпить-покурить-поржать. А Муська настоящая. Мы с ней с первого курса не разлей вода.

Остальные пары дались мне куда легче. Социологию я худо-бедно понимала, по ТММ (*теория машин и механизмов) препод отличный, тем более чертить я всегда любила, только не эюры, конечно. А на физре и вовсе отдыхала, в отличие от Муськи, которая совсем бегать не умела и со скакалкой прыгать тоже.

То самое проклятье меня настигло уже вечером, когда мы ехали домой. Автобус наш сломался. Колесо отвалилось, да. К счастью, никто не пострадал, но домой мы поперлись пешком. Ничего, гулять полезно. Даже после физкультуры, хотя Муська вся изнылась.

– Помнишь, я тебе про чувака рассказывала, который мне снился? – попыталась я утешить подругу.

– Про шамана?

– Да, придурок с бубном. Он мне опять снился.

– Что хотел на этот раз? – Муська смеется.

– Говорит, что мне нужно спасать мир. Во дурак, а? Где я и где благотворительность?

– Ну он хоть симпатичный?

Я задумываюсь и решительно мотаю головой:

– Не знаю, он всегда в тумане каком-то. Вроде бы я его лицо сегодня видела, но не уверена. Поди старикан какой-то. Разве бывают молодые шаманы?

– А ты проверь, – хохочет Муська. – Вдруг вполне себе...

– от грубого слова, срывающегося с ее губ, я морщусь, как и от посылы в целом. Испортила я девку, два года назад она была такой скромной, такой припевочкой. А теперь вон матом ругается и пошлит. Прямо как я. Но мне норм, я все же из семьи алкоголиков. А она – библиотечный цветочек.

Впрочем, доля истины в ее словах есть. Пора бы уже что-то сделать с этим шаманом. А то снится мне, понимаешь, уже вторую неделю подряд. Но ничего интересного в этих снах не происходит. В конце концов, в реале у меня нет никакой личной жизни, так хоть во сне попробую. А вдруг понравится?

В общагу возвращаться не хотелось. Да и погода стояла чудесная. Осень еще не залила Москву дождями, клены усыпали черные тротуары золотыми и оранжевыми звездами, и я предложила Муське погулять еще немного.

– Ноги болят, – предсказуемо заныла она. – О! Давай самокат возьмем и по парку прокатимся?

Я хотела было отказаться, но поглядела на ее сияющее лицо и кивнула. Иногда я чувствую себя не Муськиной ровесницей, а мамочкой. Или хотя бы старшей сестрой. Сдались ей эти самокаты! Я вот их побаиваюсь. А она уже схватила припаркованного на тротуаре фиолетового монстра и навела камеру смартфона на штрихкод.

– Догоняй, Дуська!

Пришлось догонять.

Я Дашка, но она зовет меня Дуськой. Типа смешно. А она

– Машка. Я зову ее Муськой. Это тоже типа смешно. Парные имена и все такое.

– Машка, стой, дура! – ору я, видя, что эта балбеска вырывается на проезжую часть прямо перед автобусом. Нажимаю на рычаг скорости, мчу следом, уже понимая, что не успеваю. – Муська! Муська!

Скрежет тормозов – а такси здесь откуда? Грохот, чьи-то визги, облака прямо перед глазами – почему? Я умираю? Но мне совсем не больно... Что с Муськой?

Глава 2. Ведьма

– Очнулась? Ну и славно, – шаман убирает волосы с моего лица и улыбается. Вот сволочь, смешно ему!

Что с Муськой?

Я пытаюсь сесть, но голова кружится, и перед глазами танцуют разноцветные пятна.

– Ты кто? – хрипло спрашиваю я, прислушиваясь к собственному телу. Вроде ничего не болит, руки-ноги на месте, голова целая. Зашибись.

– Я – Шаардан. По-вашему – колдун. Но шаман будет точнее.

– А есть разница? – пытаюсь я собрать мысли в кучу. Не выходит, в голову лезет всякая дребедень – молнии, огоньки, почему-то трава. Зеленая.

– Есть. Колдун берет силу внутри. А я – снаружи. Из природы. Вот ты – колдунья. У тебя внутри источник.

– Охренеть, – констатирую я.

– Не ругайся, не стоит. Нельзя ругаться, так ты злых духов призываешь.

– Да пошел ты...

Он тихо фыркает.

– Подожду тебя снаружи.

Некоторое время я лежу и пялюсь в потолок, вернее, в свод палатки. Или юрты – как эта фигня называется? О, фиг-

вам. То есть вигвам, конечно. Потому что юрта – это у монголов. А передо мной все же чувак, больше похожий на индейца. Грязно-серый свод войлочного вигвама расписан примитивными рисунками и символами, синими и красными. Похоже на наскальную живопись. Сам вигвам куда больше, чем я представляла себе подобные конструкции. В центре его можно встать в полный рост. Один сектор отгорожен цветным полотнищем. Видимо, там спальня. Я же валяюсь с другой стороны, почти рядом с выложенным из камня очагом. Понятное дело, погасшим. Да что там, судя по содержимому – давно не используемым. Ну правильно, в палатке костер разводить – так себе затея. Если погода позволяет – готовить лучше все же на улице. Вообще я не фанат природной романтики, но в школе пару раз ходила в поход с палатками. Норм, не померла. Комары меня пытались, конечно, унести в лес, но я им не поддавалась. В пруду обнаружили пиявки, в гречке с тушенкой попадался песок, горелый зефир – вовсе не вкусно, а прятаться от учителей в кустах и пить какую-то бормотуху не сказать, что весело. Ну и разумеется, мы полночи блевали, так что воспоминания у меня так себе. В общем, по доброй воле я бы на такое не подписалась, но в целом не помру от спартанских условий.

Палатка так палатка. Лучше, блин, чем реанимация.

Сомнений у меня не было: в своем мире я или померла, или переломалась к чертям собачьим. Городская среда у нас не особо приспособлена для инвалидов, пенсия дерьмовая, а

реабилитация обычно платная, поэтому я бы предпочла первый вариант. Тем более если Муськи тоже не стало.

Именно беспокойство за подругу заставило меня взять себя в руки. Сдается мне, что гребаный шаман явно все это подстроил. Не зря же две недели уговаривал. Но Муська-то тут при чем? И во что я, блин, одета? Кто стырил мои почти новые джинсы и удобнейшие кроссовки? А рюкзак, а телефон, а кожанка? Вот за конспекты я не переживала, хрен с ними. А шмотки ужасно жалко, у меня не такая большая пенсия, я кожанку на Авито брала, где я еще такую найду? Что-то мне подсказывает, что здесь нет Авито. И вообще нет цивилизации. Хотя штанишки на мне прикольные. Кажется, даже шелковые. Ткань тонкая, скользкая, почти невесомая, и цвет очень красивый, лазоревый. А сверху – хлопковая белая сорочка с длинным рукавом и завязками на шее. Очень практичный наряд для похода с палатками.

Кое-как я села, поискала глазами обувь. Даже тапочек рядом не обнаружилось. Видимо, придется босиком. Поднялась, с трудом удерживая равновесие – голова кружилась. Откинула в сторону “дверь” – лоскут, прикрывавший дыру в войлоке – и, наклонившись, вылезла наружу.

Гребаный шаман сидел на камне спиной ко мне и что-то помешивал в котелке. Пахло мясом. Я тут же вспомнила, что не успела пообедать, и громко сглотнула. Он обернулся, оглядел меня с ног до головы и кивнул. Спросил:

– Разделишь со мной трапезу?

– Это какой-то ритуал? – с подозрением спросила я. – Типа “мы ели из одной миски и теперь братья навеки”.

– Ты никак не можешь быть мне братом, Дара, – спокойно ответил шаман. – И нет, это не ритуал. Просто приглашение.

– А! Тогда разделю. В смысле, пожру.

– Прекрасно. Миски на траве возле гэра, подай.

Я беспомощно оглянулась, пытаюсь понять, что такое гэр. Фигвам, да? Ну конечно, он. Больше ничего тут не было. Только трава. И горы вдалеке. И облака в небе. Гор я не видела ни разу, поэтому разглядывала их широко раскрытыми глазами. Вот бы сходить туда, поближе к ним! А трава тут такая высокая, мне по пояс и выше. Поди и клещи водятся, и змеи. Нет, что-то я не хочу уже гулять.

Наш (точнее, его) фигвам стоял на вытоптанном пятачке. Возле одной из войлочных стен и в самом деле обнаружилось заботливо расстеленное полотенечко, а на нем – две перевернутые деревянные пиалы и тут же – несколько ложек из желтоватого пластика. Ну, наверное, не пластика, а какой-нибудь кости. Но я в ложках не разбираюсь. Главное, чтобы они были чистыми. Я подхватила миски и ложки и принесла их шаману.

– Я забыла, как тебя зовут.

– Шаардан.

Он взял протянутую миску и щедро плюхнул туда здоровенный кусок мяса с жиром.

– Эээ, это не курица? – грустно уточнила я.

– Баранина.

– Я такое не ем.

– Ладно, – шаман был на удивление равнодушен.

Он поставил миску на землю, а во вторую налил бульона с овощами, какой-то зеленью и круглыми белыми шариками. Поскольку другой еды на горизонте не наблюдалось, я решила не выделяться.

– Что же, нормальное такое грузинское блюдо, – забрала я свою порцию. – Жричодали называется.

– Что? – на миг вышел из равновесия шаман, забавно округляя глаза. – А-а-а, понял. Садись, ешь. На ужин я попробую поймать куропатку. Голодной не останешься.

Ты погляди, какие мы щедрые! Даже подозрительно! Ах да, я же избранная и должна спасти мир. Я нужна ему живой и относительно здоровой.

В целом похлебка была... приемлемой. Я готовлю еще хуже, если честно. Шарики соленого сыра мне даже понравились. А зелень прекрасно заглушила вкус всего остального.

– Надо помыть посуду?

У нас с Муськой был принцип: одна готовит, другая моет. Это справедливо, несмотря на то что готовила обычно Муська. У нее это прекрасно получалось. А вот посуду мыть она не любила, а если мыла, то медленно, очень тщательно и исключительно в перчатках. Да еще потом бумажными полотенцами протирала. Это ее так бабушка приучила.

– Оставь, я сам, – мотнул головой шаман, а потом выплес-

нул остатки бульона и поставил перевернутую миску на землю. – Никогда не доедай все до капли. Оставляй духам.

– Э-э-э... ну ладно. Слушай, Шаардан, а что с Муськой?

– С кем? – фальшиво изобразил удивление шаман.

– С моей подругой. Мы с ней вместе... того-этого.

– Не понимаю.

– Чего непонятного? – разозлилась я. – Муська. Машка. Мария Сергеевна. Моя подруга. Мы с ней вместе вылетели на самокатах под автобус и вместе же померли, судя по всему.

– Я не знаю, – развел руками мужик. – Я только тебя забрал.

– С этого места поподробнее, пожалуйста.

– Ты ведь и сама все знаешь. Ты умерла там и возродилась здесь. Я забрал тебя и провел дорогой теней. В тебе очень много внутренней силы, поэтому все получилось.

– Да нет во мне никакой силы!

– Точно? – прищурился шаман. – А если подумать?

Глаза у него были черные-черные. Даже зрачка не видно. Страшные, прямо сказать, глаза. А в остальном – он вполне себе годный, как сказала бы Муська. И ему точно не пятьдесят. Куда моложе.

Сейчас, когда лицо без боевой раскраски, можно разглядеть и гладкие щеки, и длинные черные ресницы, и морщинки в уголках глаз. Кожа гладкая, смуглая, без прыщей и оспин, седины в черных волосах не наблюдается. Ну максимум

тридцатник. Норм. Не мужик с обложки, но и не урод, в общем.

– Дара? – чуть удивленный голос шамана прерывает мое бесцеремонное разглядывание. Я неохотно отвожу глаза.

– Что?

– Странное.

– Ну, я могу пожелать чего-то плохого человеку, и оно сбывается, – нехотя признаюсь я. – Но у меня тоже сбудется. Короч, я как-то своему брательнику послала лучи поноса. Его очень даже пронесло. А через пару дней я траванулась шавахой, и пронесло уже меня. Ну такое, если честно.

Шаардан моргнул. Потом моргнул еще раз.

– Да, я понял. А хорошее сбывалось?

– К сожалению, нет. Ни разу.

– Жаль. Еще что-то?

– Ну... – я задумалась. – Когда я иду в магазин, у меня в кармане ровно столько нала, сколько нужно. Я, конечно, давно с карточкой хожу, но иногда и с налом. И на кассе мне всегда до копейки хватает. Нет, ну я не совсем тупая, приблизительно прикидываю общую сумму, но чтобы до копейки – это пипец странно. Выгребаю мелочь из кармана всегда.

– Смешной, но бесполезный дар, – усмехнулся шаман. – Еще что-то?

– Вроде все.

– Дождь, снег, огонь вызывала?

– Нет, конечно!

– А могла бы. Судя по глазам – у тебя две стихии, вода и огонь.

Я недовольно засопела. Терпеть не могу, когда кто-то говорит про мои глаза. Ну да, разные. Но это гетерохромия, а не уродство!

– У тебя очень красивые глаза, Дара, – словно прочитав мысли, заметил Шаардан. – И да, для колдунов это нормально. Ты у меня ничего спросить не хочешь?

– Что с Муськой, гад? – снова разозлилась я. – Пока я не узнаю, что с ней, я с тобой сотрудничать не буду!

– Справедливо, – неожиданно согласился Шаардан. – Цена назначена, я так понимаю?

В его словах явно был подвох, но я не слишком хорошо соображала (как и всегда, в принципе). Поэтому кивнула.

– Мне нужно знать, кто она. Какая она.

Я удивленно поглядела на шамана и начала рассказывать:

– Она красивая. Волосы светло-русые, глаза голубые, грудь третьего размера. Выросла с бабушкой...

– Нет-нет, – перебил меня Шаардан. – Покажи мне. Я сейчас возьму тебя за руки, наши головы соприкоснутся, и ты представишь свою Муську. Я увижу.

– Для тебя – Марию Сергеевну!

– Я понял. Сиди ровно.

И он встал на колени рядом со мной так близко, что я заглянула ему в глаза – и ничего не увидела там, кроме крошечной тьмы. Зрачка, кажется, у него не было вовсе. Может,

он обкурился чем-то? Не похоже. Ведет себя вполне адекватно, рассуждает здраво, не дергается и не тянет слова. Видимо, это такая особенность организма – как моя гетерохромия. Смотрит так... словно ждет чего-то. А чего ждет?

Тяжело вздохнув, шаман положил мне на макушку тяжелую ладонь и силой наклонил мою голову. Наши лбы соприкоснулись. Пальцы сплелись. Наверное, мне должно быть противно – чужой человек в личном пространстве, но нет, противно не было, только некомфортно. Во всяком случае, он ничем не вонял.

Я закрыла глаза и представила себе Муську: такой, какой я ее впервые увидела. Тоненькая, воздушная, в клетчатом сарафане и белой водолазке, с двумя почти детскими косичками. Она стояла возле окна, и солнце подсвечивало ее со спины так, что она вся сияла. Широко распахнутые глаза, растерянная улыбка, робкий голосок. Ее хотелось защищать. Чем я потом и занималась. А она – защищала меня. Как уж умела. Мы были как сестры. У меня не было друга ближе. Да что там друга – человека роднее не было.

А потом я вспомнила, как Муська вылетела прямо под колеса автобуса – и что на нее нашло? Она всегда была такой осторожной, такой боязливой! Словно... словно ее кто-то заставлял сделать это.

Отпрянув от шамана, я с ненавистью закричала ему в лицо:

– Это ты? Это ты все подстроил? Она умерла, чтобы я по-

шла за ней?

По щекам потекли слезы. В груди защемило.

– Тихо, – шикнул на меня Шаардан. – Клянусь, я не имею к этому... происшествию никакого отношения. Мне была нужна только ты, а ее я совсем не знаю. Но я буду ее искать.

– Как? Как искать?

– В долине теней. Она яркая. Теперь я знаю свет ее души. Если она умерла – я найду.

– А если нет? – всхлипнула я.

– Буду искать в твоем мире, – он осторожно положил руку мне на плечо и заглянул в лицо. – Я ее найду, слышишь? Не обещаю, правда, что живой. Не надо плакать. Слезы тебе ничем не помогут, только обессилят. Сейчас тебе нужно больше есть и больше спать. Нужно восстановить твою энергию.

Я удрученно кивнула, а потом сообразила:

– Постой, ты же говорил, что у тебя нет своей магии?

– Верно.

– Но ты забрал меня, а теперь собираешься искать Муську?

Он смутился и отодвинулся от меня подальше.

– Ты все правильно поняла. Я шел обратно по теням за счет твоей магии. И у меня еще немало ее осталось.

Я хотела было разозлиться, но вместо этого широко зевнула. Я вроде как пока не верю в эту его магию-шмагию. Может, я вообще лежу в реанимации, и это все предсмертный бред. Но в целом прикольно, воздух тут такой чистый, травы

пахнут, небо красивое, тепло. В Москве-то конец сентября, скоро дожди, а тут – лето. Терпеть не могу дожди. И зиму тоже не очень люблю. Наверное, это потому, что я всю жизнь зимой мерзла. Со шмотками нормальными у меня туго было, окно в папкиной квартире с трещиной. Короче, лето лучше.

– Иди ложись в гэре. Там за занавеской – постель, – заботливо поставил меня на ноги Шаардан. – Иди-иди.

Усталость навалилась на меня плотным, тяжелым одеялом. Я пошатнулась. И тогда он подхватил меня на руки и понес сам.

Глава 3. Ментальная эротика

Ночью мне стало холодно. Я открыла глаза в крошечной тьме и сначала подумала, что все это было сном. Я или на своей постели в общежитии, или на койке реанимации. Но, ощупав себя руками, поняла – фиг вам. В смысле, фигвам. На мне – все та же рубашка и шелковые штаны. Без трусов и лифчика, между прочим. А в реанимации, я слышала, голые лежат.

Страшно хотелось в кустики. И пить. В горле пересохло как в пустыне. Кое-как, на коленях, я выползла из-за занавески. Светлее не стало. С трудом я нашла выход выглянув из фигама, замерла от восторга. Я – человек циничный, даже грубый. Но красота звездного неба поразила даже мою зачерствелую душу. У меня дух захватило от бескрайнего простора и холодного, почти морозного воздуха. А как сладко пахла ночная степь! И дышала бы ей, дышала бы полной грудью... если бы не определенные потребности организма. Кстати, здесь есть лопухи?

В походе мы всегда организовывали ямы. Такие, с оградкой и досочками. А здесь куда? Где этот проклятый шаман? У меня к нему вопрос жизни и смерти!

Шаардан спал у едва тлеющего костра, завернувшись в одеяло. Не храпел, не дергался. Даже будить его жалко. Но не идти же мне, извините, прямо в травку?

– Я здесь был один, – не открывая глаз, пробормотал шаман, снова читая мои мысли. – Ничего не устраивал, никого не стеснялся. Прости, утром я что-нибудь придумаю. Пока же справь надобности за шатром.

Я сердито фыркнула и воспользовалась его советом. Босые ноги мигом намокли от росы, я застучала зубами.

– А одеяло только одно? – кисло поинтересовалась, возвращаясь.

– Да. Но я утром...

– Что-нибудь придумаю, ясно, – закончила за него я. – Холодно, блин!

– Ложись рядом со мной. Вдвоем теплее.

– Ну да, помечтай.

– Какая капризная мне досталась ученица! – Шаардан все же сел и мотнул головой. Волосы у него совсем растрепались. Вот так, в темноте, он казался юным, почти мальчишкой. – Хочешь, спи на земле. В одеяле совсем не холодно. А я пойду в шатер.

– Хочу.

– Ложись.

Он поднялся. В отличие от меня, спал шаман без рубашки. Не то чтобы я много разглядела – только черные татуировки на спине и плечах – но сложен он был весьма неплохо. Никакого брюшка не было и в помине. Не испытывая ни малейших угрызений совести, я легла на его одеяло, еще теплое и хранящее запах мужчины. Не пота, нет. Полынь и дикий

мед. Завернулась в колючую ткань, мигом согреваясь. Стало так уютно и, пожалуй, привычно, что глаза закрылись сами собой. Я ведь долго спала дома на полу, когда диван совсем развалился. Не под открытым небом, конечно, но вот так же – укутавшись в одеяло.

Утро наступило слишком рано. Солнце немилосердно тыкало мне в лицо своими яркими лучами, стало жарко, я вся вспотела. Раскуталась, перекатилась на другой бок и замерла от удивительного зрелища. Шаман делал зарядку. Ну, наверное, это так называлось. В руках у него была сабля, и он сначала медленно и плавно, а потом стремительно и резко выписывал в воздухе всякие кренделя. То вытягивался в струну, то изгибался, то рубил невидимого противника пополам. Гладкий торс, испещренный черными рунами, блестел от пота. На спине перекачивались мускулы. Шаардан сейчас был просто охрененно хорош, я такой красоты в жизни не встречала. Тигриная грация, удивительная мощь. Ебабельный? Я вас умоляю! Не была бы я девственницей, уже накинулась бы на него и завалила в траву! Но пока только пялилась и слюни пускала. А какие у него руки, мама дорогая!

Шаман вдруг споткнулся, оглянулся на меня. Взгляд, наверное, почувствовал. Опустил саблю, встряхнул распущенными волосами и пробормотал:

– Ты проснулась... Не хотел тебя будить, прости.

– Это не ты, это солнце, – ответила я, жадно пожирая его

глазами. – Ты мне вообще не мешаешь. Продолжай.

– Нет, я закончил. Сейчас что-нибудь приготовлю.

– Я утром есть не могу, только кофе пью.

Он на мгновение завис, потом фыркнул:

– Кофе у меня нет. Только травы. А поесть тебе надо, чтобы силы быстрее восстановились.

– А когда станет про Муську известно?

– Про Марию Сергеевну? – лукаво сверкнул черными глазами шаман. Грудь его все еще тяжело вздымалась, но усталым он не выглядел. – Я уже все узнал.

– Так чего молчишь, ирод! – взвыла я.

– Потому что новости неутешительные. Она была в долине теней. Но ее больше там нет.

– То есть она умерла? – помрачнела я.

– И да и нет.

– Ты нормально объяснить можешь?

– Да. Ты тоже была в долине теней. но тебя там теперь нет.

Ты уснула в одном мире и проснулась в другом.

– И она тоже?

Новость была неожиданной, но радостной. Я расплылась в улыбке.

– Вероятно. Похоже на то.

– Она тоже в этом мире? Да?

– Я не знаю, – развел руками Шаардан. – Я лишь видел отблеск ее света. А куда он пролился – не смог понять.

– А я смогла бы?

– Уже нет. Ночью след был едва заметен. А завтра он исчезнет вовсе. Но она жива. Это хорошо, правда?

– Да, – мрачно согласилась я. – Это прекрасно. Буду верить в то, что мы с ней встретимся. Больше, наверное, мне ничего не остается.

– Это очень вряд ли. Таких совпадений не бывает. Не мечтай об этом. Костер разжечь сможешь?

Я обернулась на головешки, заметила там оранжевые искры и неуверенно кивнула. Смогу, наверное. Рядом сухая трава, прутья, несколько деревяшек. Не то чтобы я хоть раз разжигала костер, но вряд ли это так уж сложно.

– Я быстро ополоснусь и вернусь.

– Ладно.

Интересно, где он собрался споласкиваться? И не нужна ли ему помощь? Может, полить ему на плечи водички из ковша? Или намылить грудь? Я живо представила, как скольжу по мокрому торсу руками, ощупывая кубики пресса, и зажмурилась. Никогда не касалась мужчины так интимно. А уж такое красивое тело у меня и вовсе не было даже шанса потрогать.

Он вдруг дернул подбородком и прохрипел:

– Прекрати.

– Что прекратить? – не поняла я.

– Думать о таком прекрати.

– О каком?

– О том, что ты меня трогаешь.

Я остолбенела. Это он, что же, взаправду мысли читает? Долбанулся совсем?

– Это не то, что ты подумала! – быстро отступил шаман в тень фигвама.

– А ты мне расскажи, ..., о чем я сейчас подумала! – грозно выпалила я, наступая на него. – Ты что... – Надо признать, что словарный запас у дочери алкоголика весьма обширный в части ненормативной лексики – и я сейчас громко и четко ознакомила иномирца с русским матерным языком.

– Не ругайся! – его голос опасно повысился. – Нельзя! Даже мысленно – нельзя, понимаешь?

– А в чужую голову залезать можно? – взвизгнула я.

– А как мне, по-твоему, еще с тобой разговаривать?

– А?

– Ты что, думаешь, во всех мирах по-русски болтают, да?

Я застыла. Да я вообще об этом не думала. У меня совсем другие проблемы были.

– Послушай, я провел обряд, связавший наши разумы. Так быстрее всего. Ты отключилась, мне нужно было понять, что с тобой... на энергетическом уровне.

– И забрать мою магию? – Иногда я быстро соображаю. Жаль, что не всегда.

– И это тоже, – не стал спорить он. – Наши “ши” отлично подходят друг другу. Ну, как... как... два кусочка картона с разными выступами.

Шаардан явно забыл слово “пазл”, а я не собиралась ему

помогать. Я все еще была очень, очень зла! Я ведь думала про него всякое, а он знал об этом?!

– Нет, я не слышу все твои мысли, – тихо сказал он, снова меня взбесив. – Только яркие. Или те, где ты называешь меня по имени.

– Р-р-р!

– Я потом нас “развяжу”!

– Когда – потом?

– Когда ты усвоишь наш язык. И поймешь, как колдовать.

– С чего ты взял, что я собираюсь что-то усваивать?

– Ну ты же хочешь выжить, – очень просто и спокойно ответил он. – Если хочешь – придется стать полезной.

Его слова мне совершенно не понравились, но в них была истина. Да, такова жизнь. Если ты полезен – ты на коне. А если от тебя одни проблемы... то это только твои проблемы!

– Мне нравится это выражение, – улыбнулся Шаардан. – Ты на коне... как это по-шамхански!

– Чо?

– Шамхан – это моя страна, – пояснил шаман. – Я все ждал, когда ты спросишь.

Я виновато пожала плечами. Ну прости, не до этого было.

– Прощаю, – сверкнул белоснежными зубами шаман. – Ты ведь просто женщина. Глупо ждать от тебя подвигов... слишком быстро.

– Э, ты опять?

– Громко думаешь, колдунья.

Ах так! Ну, могу еще громче! Тем более что с воображением у меня проблем никогда не было. Да и книжек 18+ я читала много и с удовольствием. Облизнула губы и представила в красках, как подхожу к нему вплотную, как прижимаюсь грудью к его груди, как обвиваю руками его шею. Мысленно лизнула мочку уха, словно наяву почувствовав соль и горечь. И тут же получила ответку: на меня буквально обрушилось другое видение: жадный, злой поцелуй. Язык, уверенно раздвигающий мои губы. А потом картинка сменилась. Тяжелая горячая ладонь опустилась мне между лопаток, вжимая в подушки.

Я ахнула. Щеки вспыхнули огнем, губы закололо, сердце заколотилось. Никогда в жизни со мной не случилось ничего столь... эротического. Это что же, он вот так ощущает мои почти невинные мысли? Я испугалась. По-настоящему, без шуток. Он ведь может меня и изнасиловать – причем не только мысленно. Он мужчина, молодой и сильный. Рядом нет никого, кто защитил бы меня. Стоит только Шаардану пожелать...

– Прости, я не должен был. Я не хотел тебя пугать. Просто... проучить. Кажется, перестарался.

Вид у шамана сделался сконфуженный. Он, кажется, даже покраснел.

– Я сама виновата, – выдавила я, пряча глаза.

– Вообще-то да. Но я все равно идиот. Пожалуй, съезжу к реке за водой. Разберись тут со всем сама. И не убегай,

ладно? В степи водятся тигры. Не рядом, конечно, но все же.

Подхватив связку кожаных мешков, которые валялись за шатром, Шаардан закинул их на плечо и громко свистнул. Спустя несколько мгновений трава зашевелилась, и из нее выскочил... пони! Ну или не пони, а маленькая лохматая лошадка. Рыжая и даже немного кудрявая.

– Э-э-э, у тебя есть лошадь? – только и смогла вымолвить я.

– У всех шамханских воинов есть лошадь.

– Но ты же шаман!

Он только махнул рукой, вскочил на малышку прямо так, без седла, и умчался куда-то в травы. Я окинула тоскливым взглядом фигвам и опустилась на камень совершенно без сил. Как-то слишком круто для меня. На самом деле мне вовсе не хочется кувыркаться с незнакомым мужиком. Мне вообще ни с кем не хочется. Я, может, по любви только согласна. Любовь ведь – она существует? И даже такие, как я, могут стать счастливыми? Ну или скорее такие, как Муська. Конечно, я не пара приличным мальчикам из хороших московских семей, а неприличные мне нафиг не сдались. Я как от огня шарахаюсь от раздолбаев или алкашей. И, кстати, терпеть не могу, когда при мне парни разговаривают матом. А сама себе позволяю, и это, наверное, неправильно. Тем более что Шаардан уже дважды просил...

Где те приличные московские мальчишки? И где теперь я? “Золушка” – сказка явно не про меня.

Ладно. Я была не права. Крепко не права. И Шаардан знатно меня проучил. Только... ну блин, у него и вправду офигенное тело! Я бы хотела его потрогать – ради эстетического удовольствия. Но теперь даже в мыслях придется сдерживаться.

Хотя какого хрена? Этот придурок сам виноват! Я не давала согласия на подобную степень близости! Это же буквально ментальное насилие! Гы-гы, в нашей ситуации – ментальная эротика.

Глава 4. Перспективы

Шаардан не стал даже спешиваться. Бросил бурдюки на землю и загнал Звезду в речку. Уже там бултыхнулся с нее в воду и поплыл на глубину. Дурак, какой же он дурак! Стыдно.

Повелся как мальчишка на такую глупую провокацию! Справедливости ради, шамханские девушки куда скромнее. Никто не посмел бы даже посмотреть на него с вожделением, не то что трогать. Да и шаман он. Говорящий с духами, уходящий в тень. Страшный и даже опасный.

Когда стало известно про то, что Рурах собирает войска, когда шпионы начали присылать все более и более тревожные донесения, Шаардан сразу заявил отцу: нужно просить помощи у духов, у Матери-Природы. Ясное дело, что Рурах – опасный соперник. Да, в Шамхане сильные маги, могучие воины и славные полководцы. Но в последние годы не было добрых дождей. Засуха, неурожай, призрак голода – не самые приятные союзники. Впрочем, и в Рурахе непорядок. Все дожди ушли к ним. Затопило поля, вышли из берегов реки, летнее солнце не смогло пробиться сквозь тучи. Поэтому Рурах на соседские богатства заглядывается.

Шамхану не нужна война. Но и уклоняться от нее не след. Откупаться, юлить, тянуть время – это не для мужчин.

Шаардан попросил дать ему месяц, но времени прошло

куда больше. Трижды исчезала луна. Трижды отъедала круглые бока. А шаман ждал ответа. И дождался. Духи велели брать ему ученика. Это было неожиданно и крайне неприятно. Колдунов в шамханском народе много, а шаман всегда был один. И ученика он брал, когда нить его жизни уже истончалась. Выходит, что Шаардану недолго осталось. Это обидно. Он еще так молод! Ему ведь и двадцати пяти нет!

Впрочем, возможно, это не так уж и странно. Если война все же будет, он ведь и воин тоже. И никто не может предсказать, какая битва станет для него последней.

Как искать ученика, Шаардан знал. Сложно, больно, страшно – но результат гарантирован. Две нити непременно соединятся, если им это суждено. Притянутся. Сплетутся навсегда. А потом останется одна. И обряд этот, который так возмутил Дару, тоже был привычным. Именно так сам Шаардан получил сокровенные знания. От разума к разуму, от духа к духу.

И даже то, что ему досталась женщина, причем совсем юная, не удивило шамана. Духам все равно, кто перед ними. Они признают каждого, кто наделен властью. Колдунья с сильным даром? О таком Шаардан не слышал, но допускал, что Матери виднее. Возможно, так нужно. У каждого свой путь.

Он нашел. Позвал. Получил согласие. Было даже забавно разговаривать с девушкой. Она такая наивная, такая смешная. И такая другая, даже внешне. Черные волосы – и белая

кожа. Точеная фигурка, ангельский вид – и язык, злобный как жало скорпиона. И глаза, глаза – совершенно колдовские, потрясающие воображение, такие хочется рисовать. Была у Шаардана такая слабость. Когда он не был шаманом, позволял себе всякое. Например, кисти и краски. Отец даже поощрял его увлечение. Конечно, художником Дан никогда не станет, но навык полезный. Когда и карту можно нарисовать, а когда изобразить военную машину в перспективе. В общем, Шаардан теперь собирался написать портрет Дары, что, кстати, не приветствовалось. Старики говорили, что художник ворует душу своего натурщика, но Дан знал твердо – все это чушь и суеверие. Бумага и краски – это просто бумага и краски. И никто не посмеет спорить с шаманом, даже если он будет делать всякое странное. Шаман в народе едва ли не важнее эмира. Скажет лишь слово – и эмир собственными руками вырежет сердце из груди.

Впрочем, шаман – это вообще по-русски. Интересный язык, емкий. На шамханском он именуется длинно, важно – *консанэ эли рухалон*, Говорящий с Духами. Ну, или Уходящий в Тень и возвращающийся из нее. Мост между мертвыми и живыми – и так называли Шаардана. Но “шаман” – короче и приятнее слуху. И главное, вполне передает суть. И с именем созвучно, и с названием страны. Стоит позаимствовать это замечательное слово. Если, конечно, на то будет воля духов.

Выбравшись из речки (вода оказалась слишком теплой,

хотя телесный жар худо-бедно угасила), Шаардан упал плашмя на землю, уткнулся лбом в песок и тихо засмеялся. Великий воин, славный шаман! А какая-то глупая девчонка без малейшего труда вывела его из равновесия одними только фантазиями! Весьма фривольными фантазиями, конечно, но все же... Узнает отец – со смеху помрет. А он ведь узнает. Шаардан, как домой вернется, непременно ему расскажет.

Кто же знал, что тело так однозначно среагирует? Это все три месяца воздержания. Никто не требует от шаманов целибата (до чего ж емкий у Дары язык, на нем так удобно думать – вот еще одно хорошее, нужное слово). Просто так уж выходит. Не тащить же с собой наложницу в степи? Да и не согласится никто. Женщину, даже рабыню, без ее дозволения и тронуть нельзя. А столько золота, чтобы уговорить хотя бы служанку месяц жить в гэре, особенно в Долине Духов, у Шаардана не было. Не у отца же просить на такую глупую прихоть. Впрочем, вряд ли золото кого-то убедит. Слишком страшные вещи рассказывали те, кто хоть раз здесь ночевал.

Кстати, он ведь обещал Даре устроить отхожее место. И воды надо привезти. И предложить ей искупаться. Говорят, женщины без нарядов и украшений могут и заболеть. И тем более – без приличной ванны. У Дары есть магия, это значит, что она покрепче остальных. Но и требовать даже от нее многого не стоит. Не по-мужски.

Вот что: нужно послать отцу письмо. Пусть пришлет красивую одежду, серьги и браслеты. И обувь, конечно. Если его

шаровары Даре подошли, то туфли все же велики.

Шаардан перевернулся на спину и взмахнул рукой. К нему тут же спустилась птичка. Села на вытянутый палец.

Самое главное, чтобы отец узнал – уже скоро. И беда скоро, и спасение тоже рядом. С ним в гэре ночует.

Птичка на пальце согласилась отнести послание. Шаманы, в отличие от колдунов, никого не принуждают, только просят и договариваются. Природа отзывчива, нужно только найти правильные слова и заплатить справедливую цену. Эта птаха пожелала немного шерсти для гнезда – и Шаардан тут же пообещал ей несколько клочков с задницы Звезды. Кобылка не жадная, поделится. Все равно давно пора ее как следует вычесать. Что же, дело сделано. Пора возвращаться.

Обратно Дан не торопился. Откровенно говоря, возвращаться к ученице не хотелось. Было беспокойно. Все же его наставнику в свое время повезло. Он нашел ученика в своем народе, не пришлось никого тащить из другого мира. Со статусом ученика были проблемы, это так. Отец вначале не желал отдавать Дана. Но потом смирился. Теперь же все иначе. И сам Шаардан слишком молод, и девочка непростая, и воспитание у нее... странное. Тяжело ей придется среди колдунов Шамхана. А назад дороги нет, даже самый могущественный колдун уже не соединит перерезанную нить жизни.

Дара – его испытание. Похоже, что последнее. Нужно найти такие слова, чтобы она это поняла и приняла.

Возле гэра мирно горел костер. Не пылал, не трещал, не

волновался, а тихо, спокойно служил, как ему и положено. С этим девочка управилась, как ни странно. А Дан сомневался. Он же наблюдал за Дарой какое-то время, ее мир совсем другой. И многого она не знает лишь потому, что ей это и не нужно. Вода приходит из труб в стенах, огня шаман вообще не видел, ибо готовили девочки на нагревательных камнях (как это делали в Рурахе). Жили под крышей, ездили в железных колесницах. Ни коней, ни овец и даже собаки – только мелкие, игрушечные. Таких женщины любят, они ласковые и милые, но бесполезные.

А все же Дара справилась с огнем и даже что-то приготовила. Этому Шаардан еще больше удивился. И муку нашла, и масло. То есть он продукты не прятал, все они хранились в мешке. Но ведь девушка не служанка, не рабыня, не жена. К тому же – колдунья. Сильная. И, как ни крути, пока еще гостя.

– Я привез свежей воды, – громко сообщил Шаардан, спешиваясь. – И подумал: должно быть, ты захочешь искупаться? Тут недалеко река.

– А можно? – встрепенулась Дара, сидящая, скрестив ноги, со сковородкой в руках возле костра. Поглядела снизу вверх, откинула за спину темные пряди волос. Под тонкой тканью рубашки колыхнулась грудь.

Утреннее происшествие сломало какой-то барьер. Он увидел в ней женщину, а не просто... ученицу. Это плохо, это недопустимо, это совершенно неправильно! Но обратно

в голову похотливые желания уже не затолкать. Хорошо еще, он давно умеет ставить в разуме барьеры. В отличие от Дары.

У нее внутри такая паника, что Шаардан прекрасно чувствует ее мысли и невольно улыбается.

– Я тебя пальцем не трону, – обещает он. – Ты мне совсем не интересна как женщина. Не нужно бояться. Хочешь, клятву дам?

В голове проскальзывает коварная мысль, что клятва – это серьезно, это навсегда. Нужно будет извернуться так, чтобы получилось громко, но пусто. Потому что она все-таки красивая, а кто знает, какой стороной повернется луна? Не стоит отрезать все дороги к удовольствиям.

К счастью, Дара хмурится и поджимает губы, а потом указывает на миску, полную лепешек:

– Я испекла, ешь. Нормально, я ела и все еще жива.

– Благодарю, – быстро соглашается Шаардан. Он и в самом деле голоден. – Не знал, что ты умеешь готовить.

– Я и не умею, – вздыхает Дара. – Но это ведь совсем простое. Масло, мука, вода. Было бы кислое молоко, испекла бы оладьи. А так – просто лепешки.

Шаардан отпускает Звезду и садится на землю рядом с девушкой. Вид у нее нерадостный.

– Расскажешь? – осторожно спрашивает.

– О чем?

– Какая беда связана с этими лепешками?

– А! – машет она рукой. – Не бери в голову. Это из детства.

Мы с братом пекли, когда совсем еды не было. Я без матери росла, а отец много пил. Ничего, все давно закончилось.

Шаардан прячет гнев под ресницами. Вот... дерьмо! Он не ожидал такого откровения, в его картине мира подобное даже представить невозможно! Дети не бывают заброшенными. Те, кто остался без матери, растут с тетками или бабками, а если уж круглые сироты – то при дворах эмира или наместника. А если отец позволяет себе не заботиться о потомках – позор такому ничтожеству! Бить его палками на площади – и никто не заступится. Дети – наследие народа. Без них нет будущего.

Дети... жаль, что у шаманов детей не бывает. И жен тоже. Любовь бывает, а семьи нет. Сухая сломанная ветка, воткнутая в землю – далеко от родительского дерева. Выплеснутая в траву вода. Уголек, отлетевший в тьму от большого костра. Шаардан никогда об этом не думал – зачем? Его все устраивало в жизни.

А сейчас, глядя, как тонкая ткань его собственной рубашки ласкает юное женское тело, в голову лезло осознание принесенной некогда жертвы.

Ради всего сущего, это ведь просто колдунья! И сейчас точно не время для человеческих страстей.

– Сегодня ночью останешься одна, – жестче, чем нужно было, сообщил Даре. – Я пойду в долину теней. Спрошу, что нам с тобой делать дальше.

Глава 5. Принятие

Когда он ушел, точнее, сбежал, дышать стало легче. Мне нужна была передышка, и я ее получила. Самое время подумывать о том, где я оказалась.

Откровенно говоря, в моем мире меня ждало не самое лучшее будущее. То есть я, конечно, верила, что выучусь, найду хорошую работу и никогда не вернусь в свой город, потому что там делать было совсем нечего. Там – все предсказуемо. Завод, ипотека и контракт на пять лет. Потом, если повезет, замужество и ребенок. В принципе, именно так я и собиралась жить, когда рассматривала выданные судьбой карты. Да, мне не повезло с семьей. Отец – пьяница, брат в тюрьме, но когда-нибудь выйдет. Матери и не помню. Училась не сказать чтобы охотно, ЕГЭ написала средненько, но все же лучше, чем ожидалось. Но у меня был статус сироты, и это открыло мне двери в столичный ВУЗ. А московский диплом везде котируется высоко. Поэтому, вернувшись в родной город, я легко бы нашла работу на машиностроительном заводе. А ипотеку там дают под неплохой процент тем, кто подпишет контракт. И цены на жилье совсем не московские.

На этом плюсы моего плана заканчивались. А из минусов был отец – которого я бросить не смогла бы. И брат, который умудрился загреметь в тюрьму за ограбление какого-то мужчины. Нападали вместе, били вместе, деньги пропили вме-

сте, но остальные в этой дурной компании были несовершеннолетние, а Лехе уже стукнуло восемнадцать. Вступить за него было некому, и он загремел на шесть лет. А его дружки отделались штрафами. К тому моменту, когда я получила бы диплом, Леха уже вернулся бы домой. И это пугало меня до чертиков.

В Москве люди жили по-другому. И автобусы ходили другие, и в поликлиниках имелись врачи, и даже комнату в общежитии мне дали весьма приличную. В ней не было тараканов и в окне стекло цело. И зарплаты в Москве куда приятнее, и работу найти не так уж и сложно. Словом, я всерьез раздумывала, а не остаться ли мне в столице, но все упиралось в жилье. На свою квартиру я не накоплю никогда. И ритм жизни меня откровенно пугал.

Теперь можно было ни о чем не волноваться. Я все равно умерла. Но в то же время жива, полна сил, вокруг – природа. А рядом безумный тип, который читает мои мысли. И, кажется, магия тут вполне реальна.

Любопытно, что будет дальше. Во всяком случае, Шаардана я уже не боюсь. Он и в самом деле не собирается причинять мне вреда. Между нами связь – и я понимаю, что ни разу за все время я не почувствовала опасности. А еще моя жизнь сейчас зависит от него, одна я не выживу. Я совсем не знаю этого мира. Даже в Москве было легче. Там люди говорили на одном со мной языке. Там все работало хоть и не так, как я привыкла, но все же довольно предсказуемо. И

там был интернет.

Тут я пока не представляла даже, как живут люди. Строят ли города или живут в гэрах, как кочевники? Женятся ли или это не имеет значения? Что едят, каким богам поклоняются, на каком этапе развития цивилизация? Впрочем, наблюдая за Шаарданом, можно было хоть что-то понять. Скорее всего кочевники. Явно патриархат. Не пахнет ни водопроводом, ни уж тем более какой-то техникой. Телефон я больше никогда не увижу. Но здесь есть магия. И мне повезло – я колдунья. Можно надеяться на какие-то привилегии, если я, конечно, все не просрала, вздумав приставать к местному шаману.

Надо как-то мириться. Что тут у нас, костер? Как-нибудь справлюсь. Пожрать бы... где-то должны быть продукты. Я, конечно, дура безрукая, но сварить или даже пожарить картошку смогла бы. Вспомнила, что внутри гэра валялись какие-то мешки, пошарилась в них. В одном – одежда. Свежая, кстати. Обнюхала свою сорочку и решила: норм, еще не воняет. В другом же с радостью обнаружила припасы. Муку, подсолнечное масло в стеклянной бутылке с пробкой (о, так тут есть стекло?), сухие белые шарики – тот самый сыр в похлебке, деревянную банку с медом, вяленое мясо, сушеные овощи, какую-то незнакомую желтую крупу. Пожалуй, на суп замахиваться не буду, а вот лепешки можно испечь. Маленькая сковорода, девственно чистая, в мешке тоже нашлась. Похоже, Шаардан ею ни разу не пользовался.

А еще я обнаружила саблю, бережно завернутую в шелко-

вое полотно, но трогать не стала. Оружие есть оружие, кто знает, какие тут запреты.

Дальше было несложно. Костер даже удобнее электрической плитки, во всяком случае, готовить на нем гораздо быстрее. А лепешки я пекла себе с детства. Брат научил когда-то.

Шаман вернулся, когда тесто уже закончилось. На вид спокойный, а внутри – звенит как натянутая струна. Теперь, когда я знала, что тоже могу его чувствовать, получилось понять, где он, а где я. А ведь еще утром я не понимала своего настроения. А возможно, это было его настроение.

– Не хочешь искупаться? – предложил он, и я было обрадовалась. А потом брякнул: – Ты не интересна мне как женщина.

Любая девушка, услышав подобное, обидится. Значит, “наказывать” меня поцелуями – это можно. Но все равно – не интересна. Что же, я запомнила. Была бы бумага, записала бы. Он, сам того не зная, подписал себе приговор. Спать я с ним, конечно, не буду. Ни за что! И даже не потому, что не люблю его и не собираюсь влюбляться. А просто здравый смысл: хрен знает, какие тут болезни. И средства предохранения. И традиции. Залететь в девятнадцать лет – интересного мало. Залететь от чокнутого шамана в мире, где стопудово нет УЗИ, эпидуральной анестезии и акушеров-гинекологов – чистое самоубийство. Да и в отношениях я не сильна, боюсь их как огня.

Мы молча ели лепешки. Это, разумеется, был уже не завтрак, а обед. Солнце стояло высоко, я радовалась ему как ребенок. Ура, мне продлили лето! Ура, меня отведут на речку! Ура, он свалит на всю ночь, и мне будет даровано еще немного отпуска на природе!

А потом Шаардан стал готовиться к своим ритуалам, а я с любопытством за ним наблюдала. Сначала он надел кожаный жилет, расшитый перьями. Заплел волосы в две косы. Повязал на лоб кожаную ленту, ту самую, с голубыми и желтыми бусинами. Вдел в ухо длинную бисерную серьгу.

– Для чего все это? – не утерпела я. – Это магические атрибуты?

– Не мешай. Тебе не пригодится. У тебя источник внутри. Мне же нужно будет просить у Матери-Природы.

Я насупилась, а потом в красках представила, как заплетая ему проклятые косы. И как сама вдеваю серьгу. И как осторожно касаюсь пальцами острых скул. И разумеется, я мысленно называла его по имени, чтобы он совершенно точно увидел.

Все равно я не нравлюсь ему как женщина, так что ничего мне за это не будет.

Он издал тихий смешок. Поставил перед собой три маленькие керамические чаши, насыпал порошков, добавил воды. Сел на землю и прикрыл глаза.

Опустив пальцы в одну из чаш, нараспев произнес:

– Желтый – цвет огня.

– Почему не красный?

Он медленно провел пальцами по щеке, оставляя желтую полосу.

– Потому что красный – цвет крови. Цвет жизни. Красный внутри, зачем его рисовать? Нужно будет – просто разрежу ладонь.

– Ясно, – поежилась я.

Пальцами второй руки он провел от лба по носу и подбородку голубую линию, разделяющую лицо пополам.

– Голубой – это вода. Вода – самое ценное на земле. Она основа всего.

Здесь я была с ним согласна.

Мизинцами обеих рук Шаардан нанес на щеки и крылья носа густые синие штрихи.

– Угадаешь, что это значит?

– Небо, – тут же закивала я. – Или воздух.

– Верно. Там, на небесах, живут духи предков. Они приглядывают за нами, глупыми, но не вмешиваются, пока мы не попросим.

– А попросить может только шаман? – догадалась я.

– Да. Только я.

– Ты что, единственный шаман?

– В Шамхане – да. В Рурахе – не знаю. Нужен зеленый – цвет листвы.

– Смешаешь желтый и синий? – мне было ужасно интересно то, что он говорит.

– Умная.

– Тебе помочь?

– Ну... дай мне воды сполоснуть руки. Остальное сам.

Я принесла бурдюк и полила ему воды на пальцы. Он перелил краску из одной миски в другую, перемешал и нанес несколько спиралей на лоб и виски. Теперь все его лицо было раскрашено. И снова стало непонятно, сколько ему лет. Поднял на меня страшные черные глаза – я и забыла уже, какие они бездонные. Поднялся. Вылил остатки краски на землю. Накинул на плечи тигриную шкуру, что лежала свернутой в одном из мешков. Взял в одну руку бубен, а в другую посох. Где он их прятал? Почему я, несколько часов назад рывшаяся в его пожитках, ничего из этого не видела?

– Мне точно не придется раскрашивать лицо? – с подозрением спросила я.

– Наши женщины красят глаза и губы, – усмехнулся Шардан. – Если вдруг пожелаешь – сделаешь то же самое. Но тебе не нужно.

– Почему? – я догадывалась, что он скажет, но хотела услышать.

– Ты и без краски красивая.

Да! И этот мужчина будет мне внушать, что я ему не интересна? Ха-ха!

– Меня не будет долго, – предупредил шаман, отворачиваясь. – Возможно, до завтрашней ночи. Не пугайся. Я всегда возвращаюсь. Но если вдруг что-то случится, то через

два дня приедут люди моего отца. Расскажешь им все.

– Как расскажу? – заволновалась я. – Я же не знаю вашего языка.

– Дара, ты сейчас на нем разговариваешь. Я начал рассказывать тебе про краски на шамханском. Ты даже не заметила этого.

Я вытаращила глаза и попыталась проанализировать его слова. Разве можно заговорить на чужом языке и не заметить этого? Мистика! Шаардан растворился в наступающих сумерках – оказывается, день уже подходил к концу, а я переводила взгляд с костра на гэр, с гэра на траву, с травы на засохшие уже лепешки. И мысленно называла их странными, непонятными словами. В голове будто бы заработал синхронный переводчик. Блин, вот бы так с физикой или сопроматом! Связался разумом с преподам – и уже знаешь предмет! Ой нет, вот сопромат точно мимо. Ни за что не хочу знать, что там на самом деле в башке человека, который меня ненавидит. А вдруг у него большие фантазии? Хватит мне Шаардана с его демонстрациями.

Интересно, смогу ли я его сейчас почувствовать? Если мы связаны, то какой радиус действия у этой связи?

Мысленно позвала его по имени, потянулась в ту сторону, куда он ушел, и внезапно ощутила тепло и запах полыни.

– Дара, мешаешь! – раздалось в голове тихое, но весьма раздраженное. И вдруг, с удивлением: – Как ты это сделала?

– Прости, – послала ему я и оставила беднягу в покое.

Стало быть, все правда. Магия существует, и она во мне. И еще – мне теперь не страшно. Шаардан где-то рядом, я в любой момент могу до него достучаться. Пусть себе гуляет по теням, а у меня вот – одеяло. И снова хочется есть, желательно – что-то более существенное, чем лепешки. Что, снова готовить? Кто-то обещал мне перепелок! Но напоминать не буду, хотя могу. Мужик, можно сказать, на работу ушел. Завтра спрошу. Пока же возьму котелок, налью туда воды, брошу пару полосок вяленого мяса, пригоршню желтой крупы и несколько шариков курута. Это сухой соленый сыр – знание само пришло в голову. Он питательный, хранится почти вечно и похлебку не придется солить. Обнюхала специи, выбрала те, что приятно пахнут. Узнала куркуму и перец, обрадовалась. Сушеная морковь тоже показалась знакомой. Вместо похлебки у меня традиционно получилась каша. Ничуть не удивительно, я и суп всегда варила такой, что ложка в нем потом стояла. Кстати, Муське нравилось. Она называла его “Юппи” – “просто добавь воды”. Плюхаешь поварешку лапши с картошкой и морковью, разводишь кипятком – и горячий обед готов. Удобно и просто.

Мысль о Муське царапнула сердце. Где она? С кем? Хоть бы у нее все было хорошо! Я изо всех сил буду верить, что мы встретимся!

Длинный день подошел к концу. Я поужинала (это вкусно, между прочим!), прикрыла котелок крышкой и пошла спать в гэр – под одеялом. Никакие кошмары меня не мучили, Ша-

ардан не беспокоил. Кстати, здесь комаров нет – еще одно преимущество нового мира.

Ненавижу комаров!

Глава 6. Магия вокруг

Утром я проснулась в замечательном настроении. В голове ясно, на небе – белые мазки облаков, вокруг – тишина и простор. Ни гудения машин, ни чужих голосов, ни запахов выхлопных газов. Я – в отпуске. На курорте. Почему бы не позагорать?

Муська загорать не любила, у нее кожа белая, тонкая. Чуть что – сразу веснушки. И на солнце покрывалась красными пятнами-ожогами, которые потом чесались и облезали. А я же легко и красиво покрывалась ровным бронзовым загаром. Последнее лето выдалось неважным. В июне экзамены, в июле я работала в сувенирном ларьке по двенадцать часов в день, весь август лили дожди. Ни разу на пляж не выбрались, да что там – скорее уж заржавела, чем загорела. Зато теперь можно наверстать. Тем более что Шаардан вернется только к вечеру.

Я закатала штаны по самое некуда и скинула сорочку – из живого тут только птицы, бабочки и жужжащие над котелком мухи. Никто не увидит. Раскинула одеяло, упала на него, прикрыла глаза. Блаженство, настоящее блаженство! Я в раю.

– Прикройся, я пришел, – спустя некоторое время выдернул меня из нирваны хриплый голос Шаардана. Я распахнула глаза и села: он стоял надо мной и внимательно рассмат-

ривал все то, что я никак не собиралась ему демонстрировать. Судорожно укуталась в одеяло, вся напряглась, но он уже отвернулся и скинул на траву тигриную шкуру.

– Есть что пожрать? – привычный мужской вопрос вывел меня из ступора. Я вскочила, оправила шаровары и быстро натянула рубашку, посылая ему мысленно свое возмущение.

– Только поноса мне не желай, – фыркнул он, пытаюсь умыться. – Засядем оба. Кстати, сегодня сделаю тебе отхожее место.

– Придурок, – проворчала я, вдруг расслабляясь. – Каша есть, будешь?

– С мясом?

– Конечно. И с сыром.

– Звучит сомнительно, но я голоден как тигр. Греть не надо, так съем.

– Ты быстро, – упрекнула я его. – Обещал только к вечеру.

– Так вышло. Меня ждали. Не пришлось никого звать.

Он обернулся. Краска с лица не смылась, только размазалась разноцветными пятнами. Да еще и рубаха вся испачкалась. У Шаардана теперь были зеленые губы и голубой нос. Смешной и такой живой. Не то что в тигриной шкуре! Даже его страшные глаза кажутся уже не источниками тьмы, а просто... темными.

– Все плохо? – улыбается он зелеными губами, и я невольно хихикаю.

– Ужасно просто.

– Нужно ехать к реке. Ты со мной?

– Ну конечно!

Ура, купаться! Все-таки – отпуск!

Шаардан лопал кашу с явным удовольствием. Ему понравилось. Я тоже немного поела, хотя была совсем не голодна. Потом он собрал грязные миски в мешок, прихватил из гэра сменную одежду и свистнул свою лошадь.

– Ее зовут Звезда, – сообщил мне. – Красивая, правда?

– Очень, – кивнула я. – Маленькая только.

– Это ферранская горная порода, они очень выносливы. Могут спать на снегу и питаться колючками. Ты умеешь ездить верхом?

– Нет, откуда?

– Не страшно. Звезда очень аккуратная и добрая. Она тебя не сбросит. Иди сюда, я помогу тебе залезть.

– А ты? – испуганно попятилась я.

Нет, лошадь, может быть, и выносливая, но неужели он хочет взгромоздиться на нее вдвоем? Жалко малышку!

– Я пешком. Тут не так уж и далеко, пара километров.

Последнюю фразу он произнес по-русски, и я немедленно осознала, что снова не заметила того, что разговор велся на чужом языке.

– Я выносливая, тоже могу пешком, – попыталась увильнуть от поездки верхом.

– Ты босиком, – возразил Шаардан. – Изранишь ноги.

Да, сам-то он был в рыжих остроносых туфлях из мягкой

кожи. Мне они явно были бы велики. У него довольно большой размер ноги. Помнится, мне рассказывали, что по размеру обуви можно прикинуть величину мужского достоинства. Видимо, у Шаардана по мужской части все в порядке.

– Громко думаешь, – поморщился шаман, и у меня вспыхнули щеки. Черт, я же назвала его по имени! Конечно, он услышал! Надо же было так глупо спалиться! И все же – правда или нет?

– Никогда о таком не слышал. Но мои наложницы не жаловались.

Я прикусила губу и молча полезла на лошадь, даже не обратив внимания на то, что он поддерживает меня за бедро. Наложницы, значит? Их было несколько? Ему дозволено спать с женщинами? А жена у Шаардана имеется?

– Жены нет, – спокойно ответил он. – Наложницы были из свободных. Это не совсем то, что ты представляешь. В Шамхане женщина вольна сама выбирать, с кем ложиться. Все просто: мужчина приносит дары, а она или согласна, или нет.

– А подарки возвращает, если не сложилось? – поневоле заинтересовалась я.

– Разумеется, нет. Забирать подарки – это не по-мужски. Я украдкой вздохнула, вспоминая, какие истории рассказывали одноклассники. Не удержалась, поделилась с шаманом:

– У нас теперь так: парень приглашает девушку в ресто-

ран, а потом – в постель. Если она не согласна, то должна ужин оплатить. Иначе ее назовут тарелочницей.

– Фу, какая гадость, – поморщился Шаардан. – У нас ее назовут скромной и разборчивой. Удобно?

Ехать на широкой и теплой спине Звездочки и в самом деле было не так уж и сложно. Тем более – отвлекаясь на интересную беседу.

– У тебя есть семья, Шаардан?

– Да. Отец, мать, два брата и четыре сестры.

– Ого! В Шамхане принято иметь много детей?

– В богатых семьях – да. Люди рожают столько детей, сколько могут прокормить. В бедных семьях часто один ребенок. Или два.

– Так ты из богатой семьи?

– Ага.

– Самый старший?

– Нет. Четвертый. Передо мной брат и две сестры.

– У меня тоже был брат, – вспомнила я и погрустнела.

– Не было, – неожиданно качнул головой шаман.

– Почему так считаешь?

– Если бы ты кому-нибудь из родных была нужна, то я бы не смог тебя забрать. Когда любишь – даже тело не отдашь, не то что душу.

Он был прав, и от этого стало еще больнее. Ни отцу, ни брату до меня не было дела. была бы мама жива, возможно, моя жизнь сложилась бы по-другому.

– Не грусти, Дара. У тебя все будет по-новому. Ты молодая, красивая, сильная. Мужчины будут приносить к твоим ногам золото. Возможно, кто-то тебе понравится.

Я покосилась на него, снова вздохнула и неожиданно даже для себя спросила:

– Тебе сколько лет?

– Двадцать три.

– Я думала, что больше.

– Я по теням хожу, – пожал он плечами. – Это выматывает, силы забирает. Выгляжу старше.

– Все ясно.

Хотелось спросить еще про многое, но я решила помолчать. Тем более, что кругом было так красиво! Колыхалось зеленое море, пестрели маки, васильки и еще какие-то желтые и розовые зонтики. Деловито жужжали пчелы. Пахло летом и нагретой солнцем травой. А потом – еще и водой. Трасса расступилась, и мы оказались на обрыве.

– Река Сулать, – пояснил Шаардан. – Самая большая река Шамхана. Здесь она не слишком широка, но потом в нее впадают Вишек, Камка и много ручьев. И тогда по ней ходят корабли.

– Глубоко тут?

– Прилично. И рыбы много. Ты любишь рыбу?

– Смотря какую, – дипломатично ответила я. – Если костей немного, могу и есть.

На самом деле рыбу я терпеть не могла. Отец иногда ры-

бачил, приносил домой лещей, окуней и еще что-то. Все это чистить приходилось мне. А он потом жарил рыбу с луком, и мне приходилось ее есть, потому что другой пищи не предвиделось.

– Я поймаю и запеку в глине, – пообещал Шаардан.

Ну если без лука, то я попробую.

Шаман быстро и ловко спустился к воде, а умная лошадь без всякого труда пошла следом – вниз по еле заметной тропке. Я схватилась за ее гриву, но не успела даже испугаться, как оказалась на самом берегу. Шаардан подал мне руку, я прыгнула и поморщилась: пятая точка затекла, ноги неожиданно подкосились.

– Посиди пока, а потом – смотри сама.

Шаардан быстро скинул рубаху и туфли, взялся за шнурок шаровар, покосился на меня и поморщился.

– Ты можешь раздеться, – щедро предложила я. – Обещаю не приставать.

– Спасибо, я как-нибудь так. Плавать умеешь?

– Не особо, но на воде держусь.

– Не боишься?

– Чего, воды? Или тебя? Или хищных рыб?

– Тут нет опасных рыб. Наши женщины купаются только в бассейнах. Или в специальных местах, где мелко. В реку лишний раз не полезут.

– Так я тоже на глубину не сунусь, – успокоила его я. – Только окунусь и все.

Полюбовавшись на его крепкую спину и кубики пресса, я дождалась, когда Шаардан отплывет подальше. Стянула ша-
ровары. Сорочка прикрывала бедра, но я отлично понимала,
что она намокнет – и не скроет ничего. Но купаться голой
была не готова. А помыться следовало, на дворе лето, дез-
одорантов тут нет. Не хочется вонять потом. Тем более ря-
дом с привлекательным молодым мужчиной.

Ему всего двадцать три! Мы вполне могли бы... Прику-
сив губу и отогнав неуместные мысли, я шагнула в воду. Она
была теплой как парное молоко. И очень-очень чистой, про-
зрачной. Видно и камушки, и стайку мелких рыбешек, и рас-
топыренную кочку какого-то речного растения. Не удержи-
лась, шагнула дальше, дальше – по щиколотку, по колено, по
бедра, а потом дно ускользнуло из-под ног, и я разом прова-
лилась с головой, даже взвизгнуть не успела. В рот хлынула
вода, я в панике замахала руками и тут же вынырнула, от-
плеываясь. Не так уж и глубоко. Стоя на носочках, можно
дышать.

Почувствовала беспокойство Шаардана:

– Все в порядке? Помочь?

– Все хорошо. Вода отличная.

Оттолкнувшись от дна, распласталась звездочкой по по-
верхности, успокаивая колотившееся сердце. На глубине во-
да была уже холодной, но не ледяной. Напротив, она пре-
красно освежала и нежно ласкала разгоряченную кожу. Хо-
рошо-то как, а-а-а! Хотелось кричать от счастья.

Никогда я не испытывала подобного умиротворения. Всегда в тревоге, в напряжении, волнуясь то за Муську, то за отца, то за свое будущее, я куда-то бежала, что-то планировала, а потом злилась, когда все шло не так, как я себе придумала. Теперь же спешить было некуда.

– Я тебя расстрою, – Шаардан вынырнул рядом со мной и как-то криво и грустно ухмыльнулся. – Спешить нам нужно. Войска Рураха пересекли границу два дня как. Началась война, Дара. И тебе суждено сыграть в ней свою роль.

– Это тебе духи ночью сказали? – недовольно проворчала я, скрещая руки и прячась в воде от мужского взгляда, задержавшегося на груди, облепленной совершенно прозрачной сорочкой. Кожа покрылась мурашками, соски предательски заострились.

– Да, сказали, – отвел невозможные глаза Шаардан. – Будут сражения, будет пролита кровь. Но ты здесь, и Шамхан не проиграет.

Я поджала губы, переступая с ноги на ногу. Сорочка вертелась вокруг тела, как медуза, обнажая бедра, но он уже не смотрел.

– Все это закономерно, – тихо говорил шаман. – Засуха, неурожай, сухие грозы – Мать-Природа гневается на нас. Мы стали слишком ленивы, больше не поем песен, не танцуем в пашнях, не приносим дары духам. Я не помню, когда последний раз меня звали проводить обряд плодородия. Наверное, лет десять назад. Нет, больше. Тогда еще был жив Шаариф,

мой учитель. Я был только наблюдателем. И то – самого главного не видел. Меня прогнали, сказали, еще мал.

Нехорошее подозрение закралось мне в душу.

– Что, такой серьезный обряд?

– Да. Пролитие девственной крови на девственное поле. Инициация, если позволишь.

Я отвернулась, пряча смущение. Да, правильно и сделали, что прогнали любопытного мальчишку.

– Сейчас попробуй найди такую девственницу, – фыркнул Шаардан, – ведь дева должна быть не младше двадцати, красивая и здоровая. И добровольно согласная, конечно.

Я подумала, что, наверное, подошла бы. Но после следующей фразы больно прикусила язык.

– Если дева после обряда понесет, то это истинное благословение. В тот раз вроде бы все получилось.

– Пожалуй, посижу на берегу, – пробормотала я, пряча глаза. – Все это ужасно интересно, но я немного замерзла.

– Ты не красней, – тихо засмеялся все понимающий шаман. – Обрядов, связанных с соитием, очень много. И тебе не раз придется при этом присутствовать. И самой их проводить.

Я вылетела на берег, радуясь, что он не смотрит. У меня горели уши и тряслись руки. Во что я ввязалась?

Глава 7. Магия внутри

Он не смотрел, как я рылась в его мешке и выбирала сухую одежду. Не оглянулся даже, когда я стянула мокрую рубашу и художественно разложила ее на траве. На песке валялось много сухих стеблей тростника. Памятуя, что деревьев вокруг нет, я собрала целую кучу. Для костра пригодится. Еще меня заинтересовало несколько круглых пористых камней размером с кулак. Почему-то я покрутила темно-серые камни в руках и бросила в кучу к тростнику.

– Все верно, – кивнул выползший из воды Шаардан. – Горючие камни. У нас их мало, но рекой иногда приносит. Они довольно легкие.

– Похоже на уголь, – пробормотала я, с явным удовольствием наблюдая, как он прыгает на одной ноге, пытаясь отлепить от себя мокрый шелк. Задница у него оказалась что надо, впрочем, я и не сомневалась.

– Да, похоже. Их находят в земле, но некоторые камни легче других. Попадают в реку, вода их выкидывает здесь, на излучине. Хорошее место, заповедное. Тут духи живут, поэтому человек дом не строит. Разожги огонь, Дара.

– Давай спички, разожгу, – привычно заворчала я. – Или чего, трут и огниво?

– Используй магию.

– Я не умею.

– Сейчас научу. Сложи кострище и сядь.

Я выразительно закатила глаза: ишь, раскомандовался. Выкопала в песке маленькую ямку, положила туда камни, художественно прикрыла тростником. Села рядом, скрестив ноги. Оглянулась. Шаардан кивнул и сказал:

– Дуй.

Я подула. Разумеется, ничего не получилось.

– Не так дуй. Изнутри. Собственным огнем.

– Да пошел ты. Учитель из тебя паршивый.

Он хмыкнул и опустился на песок позади меня. Придвинулся так близко, что я оказалась между его ног, прижимаясь спиной к голой груди. Рубашку надеть он и не подумал, хорошо хоть штаны натянул. Мокрая прядь волос скользнула по моему плечу. Капли затекли за шиворот. Горячая ладонь легла чуть ниже груди.

– Внутри тебя есть источник огня, – обжег ухо вкрадчивый голос, такой нежный и бархатный, что у меня по рукам побежали мурашки, а огонь вспыхнул несколько ниже, чем его ладонь. – Почувствуй его.

Отчаянно смущаясь своих ощущений – никогда еще мужчина не касался меня так интимно – я проворчала:

– Я чувствую. Только спиной. Чуть ниже поясницы.

Он вздрогнул всем телом. На миг меня накрыло чужим удушливым вождением. Сильным и очень отчетливым. Но ощущение быстро пропало, еще до того, как я разучилась дышать.

– Не там чувствуешь, – шепнул Шаардан, убирая мои уже почти высохшие волосы от лица и нажимая мне на ребра. – Нужно тут. Прекрати заниматься глупостями и думай об огне. Ты ведь задувала когда-нибудь свечи? Ты вообще знаешь, что такое свечи?

– Знаю, не совсем деревня. Точнее, не москвичка.

– Непонятная шутка. Но допустим. Попробуй дуть так, словно ты не задуваешь, а раздуваешь огонь. Сначала совсем слабо, а потом сильнее и сильнее.

Я послушалась. Дунула осторожно – и по сухому тростнику скользнула оранжевая искра. Клянусь, это была настоящая магия! Моя магия! Обрадовавшись, я дунула изо всех сил, и Шаардан едва успел дернуть меня на себя, когда на добрых полметра взметнулся жадный огонь. Мы упали на спину. Впереди гудело и трещало.

– О мой день, Дара! – взвыл шаман, отталкивая меня в сторону. – Я же просил потихоньку!

Тростник и камни выгорели мгновенно, оставив на песке бурую стеклянную воронку. Даже пепла не было. Ух ты, я такая сильная?

– Мда, – озадаченно крикнул Шаардан, помогая мне подняться. – Хорошо, что я рыбу не закопал. Пришлось бы снова ловить. Ну ничего, главное, что все получилось. Ты набери еще топлива, а я займусь нашим обедом.

Я вздохнула и признала справедливость его слов. Второй костер получился значительно лучше. Я уже поняла, как

нужно действовать. Крупных камней не нашла, набрала пригоршню мелочи размером с орех. Прикрыла тростником. Подула тихонько, и на сухих стеблях заплясали язычки пламени. Шаардан принес несколько небольших глиняных комков, положил прямо в огонь. Покосился на меня и предложил:

– С огнем у тебя все получилось. Хочешь попробовать с водой?

– Хочу! – внутри все ликовало. Я – маг!

– Я бы предложил попробовать с рекой, но есть еще один вариант.

– Какой?

– Вызвать дождь. Это самое сложное, потому что одно дело – взять воду из реки, где ее очень много, и совсем другое – собрать в небе.

– Я хочу попробовать! – живо ответила я.

– Я тоже. Учитывая, что твой первый огонь был таким... ярким, дождь может и получиться. Отдыхай пока. Я еще рыбы наловлю. На ночь повешу над костром коптиться.

– Может, мне набрать еще камней? – неуверенно предложила я. – Пригодятся ведь.

– Их обычно на берегу немного, – пожал плечами Шаардан. – Потом река принесет еще. Если не лень тебе – собирай. Но я всегда беру только крупные. Двух-трех хватает на весь день. А вообще, лучше помой миски. Это будет полезнее.

Я вздохнула. Мужчины всех миров одинаковы. Посуду мыть не любят, сваливают самую противную работу на жен-

щин. Но он вроде обещал обед, а потом копченую рыбу, так что – справедливо. Копченую рыбу я люблю чуточку больше, чем жареную.

Взяв длинную острую палку, Шаардан высоко закатал шаровары, демонстрируя крепкие загорелые лодыжки, и зашел по колено в реку. Склонился, вглядываясь в прозрачные воды, напрягся и что-то тихо зашептал.

– Ты колдуешь! – тут же поняла я.

– Да, приманиваю рыбу. Не мешай.

– Ну ты и чистер, – проворчала по-русски. – Так неинтересно.

– Зато быстро.

Собрав миски, лениво полоскала их в набегающей на песок мелкой волне, краем глаза наблюдая, как стремительно вытягивается струною шаман, посылая в воду свое примитивное оружие. Как выбрасывает трепещущую добычу на берег – крупную, размером в предплечье. Как склоняется и напрягается вновь.

Красивый все же мужчина. Причем не той красотой, к которой я привыкла. Не слащавый, не качок, не синеглазый мажор с обложки журнала. Он настоящий, живой, не глянцевого. Надень на него пиджак и галстук, спрячь звериную грацию под светским лоском – и он потеряет половину своего очарования. Только бездонные черные глаза все портят. В них даже заглядывать страшно.

Потом мы сидели на траве, ломали горячую глиняную

скорлупу и ели рыбу руками, жадно облизывая пальцы. Не то рыба была какая-то другая, не то способ приготовления особенный, а только так вкусно мне не было даже в московских кафешках, впрочем, я там из рыбного разве что роллы заказывала. Потом Шаардан сварил душистого травяного чая, и я цедила его медленно, наслаждаясь каждым глотком. Лениво плескалась река, тихо тлел костер, где-то кричали птицы. Как же это было сладко!

А ведь где-то не так далеко уже началась война...

– Так что там с дождем? – напонила я.

– С дождем плохо, – вздохнул Шаардан. – Четвертый год засуха. Это здесь, возле реки, все хорошо. Но ты взгляни, где берег. Раньше воды было едва ли не вдвое больше. Здесь долина духов, а там, где она заканчивается, нет даже травы. Деревья погибают. Урожай очень скудные.

– Ты же шаман, – удивилась я. – Почему не вызовешь дождь?

– Я не всемогущ. Делаю все, что могу. После хорошей большой грозы я не могу встать месяц. Валяюсь в постели как дитя, меня кормят с ложечки.

Кажется, он не шутит. Какая сложная работа у шамана!

– Если б не я – Шамхан голодал бы давным-давно. Ты не подумай, я не хвастаюсь. Гордиться тут нечем, мой наставник управлялся с погодой куда лучше. Но я еще молод. Лет через двадцать мог бы...

Он вдруг помрачнел, нахмурился, отвернулся. Я, не по-

нимая такой странной перемены в настроении, попыталась Шаардана утешить:

– Но теперь мы вдвоем. Наверное, сможем вдвое больше, да?

– Наверное, – криво улыбнулся он. – Нужно попробовать. Ты сиди пока, я рубашку свою постираю и поедем домой.

– Почему меня не попросил? Это ведь женская работа.

– Забудь. Нет мужской и женской работы. Стирать и готовить может любой, у кого есть руки. Женская работа в моем мире лишь одна – рожать и вскармливать детей. Остальное – как получится.

Я вскинула брови, обдумывая его слова. А мне начинает нравиться Шамхан! Впрочем, не факт, что Шаардан не врет. Может, просто успокаивает меня. Вот бы научиться чувствовать его так же хорошо, как он меня!

– Почему-то дождь всегда легче вызывать ночью, – говорил шаман мне на ухо. Он, как и в первый раз, сидел позади меня, положив руку на мой живот. Уверял, что мне так легче найти свою “ши” – то есть центр магии.

Не уверена, что мне это помогало. Скорее, даже мешало: я постоянно отвлекалась на его прикосновения, на запах полыни и меда, на горячее дыхание, шевелившее волосы.

– Ночью холоднее, – попыталась я вспомнить законы физики, вертя в руках бубен, который он мне вручил. – Теплый воздух поднимается вверх, на его место приходит тяжелый и

холодный, а в холодном больше воды.

– Никогда о таком не слышал. Ты очень умная.

– Это хорошо или плохо?

– Скорее, хорошо. В Шамхане любят умных женщин. Но тех, кто много умничает, не любят. Сосредоточься. Нам нужен дождь.

– Но как? – возмутилась я. – Ты опять толком ничего не объясняешь!

– Верно. Потому что дождь – это не огонь. Он снаружи, а не внутри. Я обычно умоляю духов о помощи. А ты колдунья, не уверен, что духи будут тебя слушать.

Ну вот. Он сам не знает, чего от меня просит. Такое ощущение, что вся эта магия – только предлог, чтобы сидеть в ночи со мной в обнимку.

Тяжкий вздох. Прикушенная губа. И моя смиренная просьба:

– Покажи хотя бы, как ты это делаешь.

– Ну, я пою.

И он тихо забормотал речитативом:

– Духи воды, услышьте меня,

Утешьте меня,

Одарите меня...

Я тихонько встряхнула бубен, колокольчики печально звякнули, перья закачались.

– Духи воды, духи воды,

Спасите нас от беды.

Ни голоса, ни слуха у Шаардана не было. Он просто бормотал что-то себе под нос и раскачивался, вовлекая и меня в странный транс. Кажется, я поняла. Ткнула его локтем и затянула сама:

– Духи воды, в Шамхане беда,
Неурожаи, пропала вода,
Гибнет трава, высыхают леса,
И не легла на рассвете роса.

Вокруг вспыхнуло множество огоньков, в лицо плеснуло влажным ветром. Меня окончательно понесло. Я вскочила на ноги, громко ударила в бубен и запела во весь голос:

– Духи воды, дайте дождя,
Примите мой танец, услышите меня.
К вам я взываю, вас умоляю,
Дайте дождя, с неба дождя.

Сверху загудело. Ветер значительно окреп. Где-то в стороне реки загрохотало.

Сильные руки обхватили меня, прижали к горячему телу. Я мгновенно ощутила, как сильно похолодало.

– Настоящие шаманы танцуют голыми, – крикнул мне в ухо Шаардан.

– А мне плевать! Я не шаман, а колдунья! – громко ответила я и продолжила:

– Дайте дождя, дайте дождя,
Тучи гоните скорее сюда!
Как мать для дитя принесет молока,

Природа, прошу, да напьется земля!

Мне вдруг показалось, что последние слова, что пришли откуда-то из глубины меня, стали самыми важными, обрели силу. И я совсем тихо прошептала:

– Я росла сиротой без материнской любви,

Небо, любовью меня одари.

Всем сердцем взываю к тебе:

Дай раствориться в дожде.

Ночь раскололо молнией, стало светло как днем. Я даже горы разглядела вдали. А потом гроыхнуло, да так, что я не устояла бы на ногах. И небеса разверзлись. И не было ни начала, ни конца, ни земли, ни небес. Только потоки воды, извергающиеся будто бы со всех сторон.

Если б не Шаардан, я бы нипочем не нашла гэра. Он за-тащил меня в тепло и сухость и практически силой раздел и завернул в одеяло. Меня шатало и ломало, как после тяжелой болезни. Я совсем не помнила, как он уложил меня на подушки.

Глава 8. В долине теней

Дождь шел всю ночь. К счастью, уже спокойный, мягкий, иначе бы нас смыло. Я просыпалась, слушала мерный шум и снова засыпала. Шаардан, кажется, был рядом, гладил меня по волосам, что-то тихо шептал. Утром разбудил, заставил выпить чашку горячего горького чая. Потом я снова провалилась в сон.

Когда я наконец-то выползла на белый свет, уже наступили сумерки. Слабость была страшная, болели кости, саднило горло, в голове клубился серый туман.

– Что со мной? – прохрипела я.

– Выложились вчера, – спокойно ответил Шаардан. – Но ты молодец, даже встать смогла. Если бы я вызвал дождь такой силы, то, наверное, помер бы на месте. Кстати, облегчиться можно там, – и он кивнул в сторону странной конструкции из палок и тряпок.

Я послушно поковыляла туда, охая, постанывая и держась за поясицу как старая бабка. Он не предложил свою помощь, и правильно – я бы точно сорвалась. А так – всего лишь чуть не сверзилась в яму, криво прикрытую теми же палками. Кстати, внутри “сортира” нашелся помятый металлический кувшин с прохладной водой и стопка ветхих тряпок. Это вместо лопухов, которые тут найти довольно сложно, да? Как предусмотрительно!

А откуда взялся кувшин? У нас такого точно не было!

И мягкого хлеба с сыром тоже не было. Вряд ли Шаардан испек такое чудо на костре. Он, конечно, способен на многое, но это уже перебор!

— Люди отца приходили утром, — пояснил шаман в ответ на мой вопросительный взгляд. — Принесли немного еды и подарки для тебя. Одежду приличную, украшения, сладости.

Я бы засмеялась в голос, но рот был занят. Одежду, украшения? Вот сюда, в поле? Они тут долбанулись все, что ли? Может быть, мне лепешки печь и посуду в реке полоскать в кольцах и диадеме? Стоп, он сказал сладости?

— Что там вкусненького есть? — справившись с бутербродом, живо поинтересовалась я.

— Медовые орехи, халва, рева̀ни с малиной...

— Ой, вот с малиной я не пробовала никогда.

— А халву, значит, пробовала? — удивился Шаардан.

— Ну да, халва и в моем мире была.

— Понял. Знаешь, как забавно вышло? — посмеиваясь, шаман передал мне деревянную миску с мягким квадратным пирожным. — Они вчера под ливень попали. Чуть не сгинули. Мокрые насквозь. Не ждали: откуда дождь мог взяться? Я же за другим ушел.

— Ой! — испугалась я. — Что нам теперь за это будет?

— Ничего. Они рады были, благодарили. Я сказал, что твоя работа.

Хотелось задать еще миллион вопросов про этих самых

“их”, но я уже отправила в рот пирожное и застонала от блаженства. Рассыпчатое влажное тесто, яркие ноты малины, чуть уловимый аромат меда, кислинка лимона. Нет, люди, которые готовят такое, не могут быть дикарями! Несмотря на то что их шаман иногда скачет голый под дождем.

– А женщина-шаман – это вообще нормально? – полюбопытствовала я. – Так бывает?

– Да, но не очень часто. Мужчин все же больше.

– А за твою работу платят?

– Я не просил ничего. Но если пожелаю, получу хоть дом, хоть дворец, хоть стадо верблюдов, хоть мешок золота.

– А почему не просил?

В голове мелькнул смутный отблеск раздражения – не моего. Шаардана вопрос расстроил. Почему, интересно?

– У меня и так все есть. К тому же я помогаю своей стране от чистого сердца, а не ради наживы.

– Я бесплатно работать не буду, – хмуро предупредила я.

– У меня ведь нет ни дома, ни семьи. Ничего нет.

– Ты женщина, – вздохнул Шаардан. – Конечно, тебе будут платить.

Угу, женщина. Тебе не интересная. Это я помню.

– Считаешь всех женщин меркантильными? – холодно спросила.

– Что? Глупости говоришь, – ответил он спокойно. – Женщины детей рожают, им нужен комфорт, покой. Они не должны жить в бедности. Позор тому мужчине, у кого дочь,

сестра или жена голодает и мерзнет.

— У меня нет ни отца, ни мужа, — вздохнула я, втайне надеясь, что он скажет: у тебя есть я. Но он сказал совсем другое.

— Такая, как ты, быстро найдет мужа. Мужчины будут драться за право позаботиться о тебе.

— В жопу, — грубо ответила я, поднимаясь. — Мне никто не нужен. Я спать, пожалуй.

Не удержалась, обернулась. Прямо глядя в его невозможные глаза, представила, как прижимаюсь к нему всем телом, как целую в щеку. И имя его мысленно произнесла, чтобы он уж точно увидел. Но длинное гладкое лицо оставалось совершенно невозмутимым. Обидно даже. Как будто не он вчера лапал меня под дождем! Ну и ладно. Не больно-то и хотелось. А даже если хотелось — что делать с влюбленным шаманом, я себе не представляла. А вдруг он и в самом деле целоваться полезет, я ведь с криками убегу в поле!

На самом деле у меня были попытки в отношения. Мне в шестнадцать нравился один мальчик из класса. И я ему, кажется, была интересна. И в том злополучном походе он даже меня робко обнял. Но я перепугалась до чертиков, вырвалась и убежала. На этом роман был закончен. А на первом курсе института я танцевала с одним, а когда он полез с поцелуями, сказала, что мне срочно надо в туалет. Обратно я не вернулась, конечно. С Шаарданом, наверное, было проще. Он ведь как бы не совсем и человек. И он мне близок, ближе, чем кто-либо на свете. Да мы мысли друг друга читаем!

Но проблема-то не в нем, проблема во мне. Я немного поломанная, по ходу. Может, такой родилась, а может, это последствия жизни с двумя мужиками в однушке. Мне так хотелось уединения, а у нас даже в ванную комнату была дверь сломана. Нет, они не подглядывали, но мне было жуть как некомфортно. Да и в общаге с общим душем, общим туалетом, общей кухней, если честно, было не лучше. Да что там, я в одиночестве впервые ночевала здесь, когда Шаардан по своим теням ходил!

Мне вдруг стало ужасно жалко себя. Бедная я несчастная, за что мне такая жизнь? В чем я провинилась? Лучше б мама меня не рожала, лучше б я в младенчестве умерла! Задрожали плечи, из глаз хлынули слезы. Я уткнулась в подушку, пытаюсь сдержать всхлипы.

Зашуршала ткань, крепкие мужские руки подняли меня и прижали к груди.

– Это все из-за магии, – прошептал Шаардан, глядя меня по волосам. – И физическое, и душевное истощение. Я тоже вначале плакал. Все будет хорошо, Дара. Поплачь. Полегчает.

И я, не сдерживаясь, зарыдала в голос, зачем-то объясняя ему, рассказывая про свое детство и юность. Он молчал, баюкал меня в объятиях, бормотал что-то утешительное, пока я не обессилела окончательно и не задремала.

– Если б я мог, я бы забрал тебя раньше, слышишь? – укутал он меня в одеяло. – Но я ведь не знал.

– Если бы ты забрал меня раньше, я бы не познакомилась с Муськой, – возразила я сонно. – Мы с ней встретимся, обязательно встретимся. Я вас познакомлю, вы подружитесь.

– Сомневаюсь, голубка. Спи. Времени осталось так мало...

– Огонь ты освоила, с духами дождя познакомилась, – так начался новый день. – Сегодня пойдем с тобой в долину теней.

– Погоди, как сегодня? – испугалась я. – Но это лишь огонь и вода! А это... воздух, земля и все такое?

– Ты пока не сможешь. В тебе нет такой магии. Вот пройдешь инициацию, тогда научишься. А вода и огонь – твоя исконная сила.

– А по теням – зачем?

– Чтобы найти уходящие души. Это одна из главных задач шамана. Когда человек болен – значит, его душу хочет забрать кто-то из демонов. Шаман должен попытаться...

– У-у-у, демоны.

– Да. Здесь, в верхнем мире, тоже есть духи, они сильные, но не добрые и не злые. А там, внизу, в долине теней, всякое можно встретить.

– Что-то мне страшновато.

– Не бойся. У тебя очень яркое “ши”. Это они будут тебя бояться.

– А ты? У тебя ведь нет собственной магии?

– А я пойду с тобой, – ухмыльнулся Шаардан.

– Зашибись.

– Именно так.

Шаардан вручил мне наш любимый бубен и достал мешочки с краской. Я закатила глаза: что, опять? А мне тоже нужно наносить макияж? Нет? Мне достаточно того, что внутри? Ну ладно. Не хочется выглядеть клоуном. Хотя ему, наверное, шло. Ему вообще идет все, что он делает.

Или я просто начинаю в шамана влюбляться. Глупо и бессмысленно, Дашка. оставь дядю в покое, ты ему не интересна как женщина.

– Поможешь? – негромко спросил Шаардан, заметив мой сердитый вид.

– Как?

– Нанеси узоры. Так будет даже лучше. Мы же вместе пойдем. Ты оставишь свои знаки, демоны сразу все поймут.

Я вытаращила глаза, но спорить не стала. Без проблем, милый. Я шас так тебя размалую, что демоны описаются от смеха. Тем более что зеркала у тебя нет. Высунув язык от усердия, я покрасила ему веки синим, а губы подвела желтым. Нос – зеленый. На щеках и лбу – голубые спирали. Он ничего не говорил, позволяя мне хулиганить. А ведь не мог не чувствовать мое настроение. Наверное, узоры и в самом деле не имели значения. Главное – цвет.

– Лучше уйти подальше от гэра. Не стоит открывать демонам двери даже временного дома. И уж точно не показы-

вать им еду. Потом не прогоним.

– Ладно, – неуверенно согласилась я. – Тебе виднее.

– Ах да, для тебя есть туфли. Сейчас принесу.

И мне в самом деле выдали обувь, почти такую же, как у него, только розовую. Мягкая кожа, серебряная пряжка, подошва такая тонкая, что впору только по паркетам и мрамору гулять, но точно не по полю. У него туфли явно более прочные.

– Извини, но это лучше чем ничего. Если что, я тебя понесу.

Тяжко вздохнув, я последовала за ним в сторону от нашей стоянки. Ушли мы довольно далеко, я даже чуточку устала. Потом привычно уже опустились на землю. Я – между его ног, опираясь плечами на грудь. Его ладонь – на ребра. Бубен – в моих пальцах.

– Что мне делать?

– Стучи.

– Как?

– Как хочешь. Это не так уж и важно. Сейчас я поведу тебя сам, ничего не нужно будет делать. Откройся мне. Позволь войти.

Ох! Воспитанная совсем в других традициях, от его слов я вспыхнула как помидор, представляя... всякое. И он, конечно, все это увидел, потому что жарко и горячо выдохнул в ухо. Пальцами правой руки закрыл мне глаза, левой – прижал крепко к себе. Я ударила в бубен. Еще и еще. И прова-

лилась в крошечную душную тьму.

– Все хорошо, голубка, не бойся, я рядом. Не шевелись.

Как будто я могла пошевелиться! Щелчок пальцев – и перед моим лицом вспыхнул рой светлячков. Стало чуть светлее, я огляделась. Было... странно. Ни неба, ни земли. Мы словно висели в воздухе. А вокруг что-то шевелилось и пульсировало. Какая-то тень прыгнула к нам близко-близко. Я схватила Шаардана за руку.

– Демон, – спокойно прокомментировал он. – Мелкий. Неопасный. Идем.

– Куда? Зачем?

– Сегодня – просто прогуляемся. Вон там видишь – чья-то душа.

Я пригляделась и увидела очень смутный силуэт. Не показал бы шаман – я бы и не заметила.

– Это был дурной человек.

– Был?

– Да. Он умер, причем совсем недавно.

– Его можно спасти?

– Зачем? Нас никто об этом не просил. Смотри, а там гуль. Он идет следом за душой. Вряд ли наш покойник пройдет эту долину. Его душу сейчас сожрут.

Голос Шаардана звучал совершенно спокойно, даже обыденно. Я поглядела туда, куда он показывал: в воздухе быстро-быстро перебирало лапами какое-то существо, похожее на паука с человеческой головой. Оно было таким изломан-

ным, что непонятно было, лапы у него или неестественно вывернутые руки и ноги.

– Свет отпугивает демонов, – журчал мне на ухо шаман.
– Самые светлые души могут завершить свой путь и потом выбирать: остаться в райских садах или уйти на следующий круг жизни. Те, кому света не хватает, навеки погибнут.

Пожалуй это справедливо. Никакого ада – только забвение.

– Не смотри в ту сторону, – вдруг схватил меня за плечи Шаардан. – Все кончено.

Я послушно отвернулась, но тоскливый вой все равно пронзал насквозь. Ужас какой! Зачем я здесь?

Рой светлячков кружился вокруг меня. Я покосилась на Шаардана. Он тут был совершенно такой же, как и на земле. Плоть и кровь, причем плоть, раскрашенная по-клоунски. Мне сделалось стыдно.

– Мы не светимся? – тихо спросила, пряча глаза.

– Пока нет. Мы лишь гости. Нас пока никто не видит. Осторожнее!

Он вдруг дернул меня за руку – на нас надвигалось что-то черное, страшное. Гигантская медуза или клякса.

– Это мимир, он не... не нужно!

Но я уже вскинула руки, завизжав от ужаса, потому что тварь перла прямо на нас. Даже странно, что у нее не было самоката! Ладони сами собой вспыхнули белым огнем, освещающая всю эту срань. Кляксу буквально разорвало на куски. Со

всех сторон раздался вой. Я теперь видела и черный песок под ногами, и черное небо, и крошечные белые точки, похожие на звезды. А еще – тени, ринувшиеся к нам со всех сторон.

– Бежим! – рявкнул мне на ухо Шаардан. Теперь он сиял нестерпимо ярким зеленым светом. А я была белой. У меня руки пылали.

– Куда?

– Домой!

Я попыталась побежать, но не смогла двинуться с места. Песок начал проваливаться под ногами. И тогда я просто вцепилась в Шаардана и зажмурилась.

– Все, уже все. Не плачь, – ласковый голос привел меня в чувство.

Я осмелилась открыть глаза и обнаружила, что сижу на коленях у шамана, крепко обнимая мужчину за шею. На земле. Среди травы. Под настоящим небом с настоящими звездами и даже луной.

– Я все испортила? – пискнула жалобно, выползая из его объятий.

– Нет, почему? Думаю, что первый поход в долину теней вполне успешный. Зато ты многое увидела.

– Это точно.

– Мимир нас не видел. Нас вообще никто не видел. Мы ведь ничего не делали, просто смотрели. И мы живые. Если бы ты его не уничтожила, он просто прошел бы мимо.

– Я испугалась, – буркнула я виновато.

– Еще бы. Любой бы испугался. Как ты себя чувствуешь?

– Снова эта противная слабость.

– Боюсь, это моя вина. Я взял часть твоей энергии, чтобы вернуть нас домой как можно быстрее. – он потер лицо рукавом, потом поглядел на испачканную ткань и вздохнул.
– Да чтоб тебя... еще одну рубашку испортил. Краска не отстирывается. Ты дойдешь до гэра сама?

– Постараюсь. Но не обещаю.

– У меня есть идея.

Он громко свистнул, и спустя несколько минут перед нами предстала Звездочка – прям как Сивка-бурка, как лист перед травой. Шаардан помог мне залезть на лошадиную спину, и мы тихо пошли черт знает куда в усталом молчании.

А ночью мне снились поцелуи. И на нас с шаманом не было одежды. Впрочем, дальше поцелуев дело не пошло. Видимо, у меня не такое уж богатое воображение, как я считала.

Глава 9. Времени мало

– Заметила что-то необычное в долине теней? – таким вопросом поприветствовал меня утром Шаардан.

– Нет. Дай подсказку.

– Только одна душа, и та гнилая. Мало. Плохо.

– Почему? – удивилась я. – Что плохого в том, что люди не умирают?

– Нарушено равновесие, – задумчиво ответил шаман. Сегодня он был на редкость серьезен. – Демоны голодны. Внизу беспокойно. А если они голодны, то будут требовать своего все громче и громче, пока не насытятся. Знаешь, как ест давно голодающий? Он жрет и жрет. До тошноты.

У меня закружилась голова. Он так спокойно говорил ужасные вещи!

– Ты ведь шаман. Это твоя проблема, верно?

– Да.

– И что можно сделать?

– Уже ничего. Сейчас начнется война, и они нажрут. А потом родятся новые дети, и равновесие восстановится. После войн и катастроф всегда много детей. Чистые души возвращаются.

– И тебе совсем никого не жалко? – возмутилась я.

– Нет. Такова участь мужчин. Разве ты боишься смерти, голубка? Если знаешь, что она не всесильна?

Я задумалась. С одной стороны – уже нет, не боюсь. Да и терять мне особо нечего. А с другой... я это я. А вот за каждым воином стоит его семья. Родители, жены, дети. Им-то каково?

– Любая война – это скорбь и слезы, – медленно ответила я на вопрос, который не подразумевал ответа. – Это осиротевшие дети, это обезумевшие от горя вдовы, это громкий плач матерей. А еще – невинные жертвы. Или во время войны не гибнут дети?

– Гибнут, – признал Шаардан. – Но они вернуться...

– И будут другими. Не напишут книг, не споют песен, не изобретут пенициллин. Разве человек – это рыба? Или жук? Нет, каждая жизнь бесценна. Иначе какой тогда смысл в том, чтобы возвращаться?

– Ты не шаман, – помолчав, буркнул Шаардан. – И не воин.

– Странно, что ты только сейчас это заметил!

– Ты – женщина, – продолжал он, не обращая внимания на мой сарказм. – Ты мать. Не случайно Природу мы называем матерью, а не отцом. Я начинаю понимать, почему пришла именно ты.

– О, так это был комплимент? – обрадовалась я. – Супер. Слушай, на будущее – а что нужно делать, чтобы вернуть равновесие как-то менее масштабно? Без кровавых сражений? Только не говори, что приносить жертвы!

– В принципе, ты правильно догадалась. Демонов можно

задобрить. Казнить с десяток-другой преступников, отправить им черных козлов или баранов... или попросту обмануть.

– Как? – подалась я вперед.

– Ну, смастерить чучело из соломы, одеть в человеческую одежду, вымазать в крови и сжечь. Или утопить. Обычно помогает.

– О-о-о...

Я вспомнила сжигание масленицы и кивнула. Знакомо.

– И почему сразу так не сделали?

– Делали, много раз делали! – взорвался вдруг Шаардан, и я поняла, что все это время он был на взводе. – Но оно больше не работает!

– Почему?

– Откуда мне знать? Дара, я шаман, а не провидец! Я не всемогущ, не предсказываю будущее, я не переплетаю нити жизни! Я просто лечу людей, вызываю дожди и провожу всякие обряды! И с духами разговариваю. Да у меня даже магии собственной нет, я все черпаю у природы!

– Не ори на меня! – я скрестила руки на груди и уставилась на него с неприязнью. – Я вообще к вашим проблемам отношения не имею!

– Я знаю, – сдулся шаман. – Просто... ты все правильно говоришь. Я облажался. И за это буду расплачиваться.

Мне стало его жаль. Наступила парню на большую мозоль, да не просто наступила, а еще и попрыгала на ней. А он и

вправду не виноват. Он лишь человек. Никому в одиночку мир не спасти.

Опустилась рядом с ним, погладила по плечу. Он рвано вздохнул и криво улыбнулся:

– Не нужно. Лучше покажи еще похабных снов. Это бодрит куда эффективнее.

– Это не похабные сны! – возмутилась я. – Это невинные сны!

– Ну да. А голые мы в твоих мыслях потому, что собрались купаться.

– Эй! Ты опять копался в моей голове?

– Извини, оно само. Я не хотел, – окинул взглядом мои покрасневшие щеки и хмыкнул: – А может и хотел.

Я фыркнула, а потом залезла под крышку котла. Всего лишь чай? А каша где? Жрать хочу.

– Что сегодня на завтрак?

– Остался хлеб и сыр. Еще медовые орехи и халва. И колбасы немного, будешь?

– Еще бы!

Мне было вкусно, а вот Шаардан завтракал совсем без аппетита, хотя обычно это я по утрам кривлялась, а он, как настоящий мужик, съедал свою порцию и остатки моей.

– Какие у нас ближайшие планы? – попыталась отвлечь я мужчину от невеселых дум.

– Воевать, – коротко ответил он.

– А еще ближе?

– У нас есть дней пять-шесть, чтобы окончательно пробудить твою магию. И нужно возвращаться. Духи считают, что без тебя победы не будет.

– Какие именно духи? Те, что снизу?

– Нет. Снизу – демоны. А духи – они везде. Все просто на самом деле. В верхнем мире – те, кто умер. Наши предки. И чужие предки тоже. В нижнем – демоны. А мы – посередине. Иногда демоны выходят в наш мир. Иногда предки спускаются с небес, дабы вразумить своих внуков.

– А духи? – я окончательно запуталась.

– А духи, как и мы, просто живут на этой земле и иногда помогают. Иногда вредят. Но видят и знают больше, чем люди. Я шаман, я разговариваю с духами, вижу демонов и слышу голоса предков. Теперь понятно?

– Более-менее. А я?

– Духов ты пока не слышишь. Предков у тебя здесь нет, к моему народу ты не принадлежишь. Но вот демоны тебя боятся, и это хорошо. Значит, твое предназначение – ходить по теням. И еще с огнем и водой у тебя хорошо получается. Это очень полезный дар. Мы еще несколько раз спустимся в долину теней. И попробуем вызвать дождь. В конце концов, лишним не будет.

– А дальше?

– А дальше ты отправишься к эмиру. На все воля Природы, Дара.

– То есть ты меня бросишь? – холодно уточнила я.

– Да. Шаману не место во дворце, у него другая служба. Но не бойся, за тобой присмотрят.

Я крепко задумалась. Откровенно говоря, жизнь на природе хороша, но не вечно. Не думаю, что во дворце хуже. Вернуться в гэр я всегда успею, верно? Тем более у меня и в самом деле есть магия. Себя защитить я сумею.

Те законы Шамхана, про которые рассказывал Шаардан, кажутся мне вполне справедливыми. Похоже, женщин тут не сильно притесняют. А во дворце вряд ли мне придется голодать или тяжело работать. Что же касается военных действий – ну, саблю я в руках ни разу не держала. Если понадобится – вызову дождь или огонь, это у меня вполне получается. А в битву соваться не стану, я все же девочка, а не воин.

В этом мире нужно как-то обживаться. Чем быстрее я разберусь, как тут все устроено, тем лучше. Жаль, конечно, что Шаардана не будет рядом. Но не может же он нянчиться со мной вечно! У него и без того дел по горло.

– Ты приняла решение, Дара?

– Да. Будем учиться. А потом – во дворец.

Слова были сказаны и оказалось, что все, что еще вчера у меня был отпуск. Теперь же начался тяжелый труд. На рассвете, в тот час, когда грань между мирами истончается, мы спускались в долину теней. Потом, после завтрака, ехали к реке. Купались, ловили рыбу, разбирались с магией огня. Я уже легко вызывала небольшое пламя, а вот с огненной стеной или метательными снарядами выходило хуже. Огненные

шары летели куда угодно, но не в цель. Хорошо, что рядом с рекой можно не бояться пожаров! На четвертый день фэрбол получился компактным и полетел хотя бы в нужную сторону. Шаардан меня очень хвалил. Несмотря на то что у него не было своей магии, он колдовал очень ловко, объясняя это тем, что здесь место особое: Заповедный Луг, практически Междумирье. Не каждый может сюда попасть, но если уж духи приняли, то не прогонят больше и защитят от любого врага.

С дождем тоже выходило не очень. Пару раз вовсе не получилось. Посверкало, погрохотало, походили тучи, но ни капли влаги не упало на землю. А однажды я устроила такой ураган, что гэр едва не унесло. Потом пришлось пожитки в траве искать.

И все же Шаардан был доволен. Он говорил, что обычно обучение занимает много месяцев и даже лет. А у меня времени мало. Зато силы немеряно. И вообще – если что-то не получается – есть бубен.

Как оказалось, могущественный артефакт, соединяющий в себе все стихии. Смерть – изготовлен из овечьей кожи. Жизнь – не раз орошался потом и кровью владельца. Воздух, земля и вода: украшен перьями, речным жемчугом, птичьими косточками, сухими веточками. А желтые ленты – символ огня.

Мне бубен для магии не нужен, но стучать в него прикольно. И какой-то он... успокаивающий, что ли. А вот Шаардан

признался, что без своего артефакта он как без рук. Да и в долине теней звон бубна – серьезное оружие, отпугивающее демонов.

А потом настал тот день, которого я и боялась, и предвкушала. Утром шаман как ни в чем не бывало сказал:

– Сегодня за тобой приедут. Можно уже собираться.

– Как это сегодня? – ахнула я. – Но я не готова!

– Вполне готова. Магию свою ты приняла и освоила. Язык знаешь. Ругаться перестала, с демонами немного познакомилась. А если где-то напортачишь – ничего страшного. К ифритам только не лезь и никакие договоры кровью не подписывай, и все будет хорошо. После завтрака за тобой приедут.

– Ой! Мне нужно переодеться!

Вот теперь я заволновалась всерьез. Одно дело Шаардан, который меня уже видел всякую. И голую, и одетую, и сонную, и веселую, и злую, и даже в тенях. Я совершенно его не стеснялась и не пыталась даже наряжаться. Штаны да рубашка – самый удобный походный наряд. Но тут ведь появятся чужие люди! И они будут меня разглядывать! Одежду мне вроде подарили, я ее развернула, а потом обратно в мешок запихнула. Неудобная. Слишком красивая.

Абсолютно то, что сейчас нужно.

– погоди! – остановил меня Шаардан. – Есть еще одно дело. Пора разорвать нашу связь. Она больше не нужна.

Я поджала губы. Как это – разорвать? А эротические послания? А ощущение крепкого плеча рядом? Как же я справ-

люсь без него?

– Что сейчас-то не так? – Шаардан мигом считал мои мысли.

– Я бы хотела оставить привязку. Хотя бы на первое время, – смущенно пояснила. – Мне так спокойнее. Возможно, понадобится совет. Или просто чего-то испугаюсь, а ты где-то есть, успокоишь меня.

Шаман на миг задумался, а потом усмехнулся:

– И я по-прежнему буду тебе сниться?

– Не исключено, – насупилась я.

Ну блин, я взрослая девушка! У меня бывают эротические сны! Это всего лишь здоровая потребность организма! Просто Шаардан – единственный мужчина в моей жизни, к кому я так привязалась. Но он же говорил, что за мной будут толпы ходить...

– Не волнуйся, возможно, сниться мне будешь не ты, – попыталась я его утешить. – И вообще, может, я найду себе любовника. Это ведь не запрещено?

– Даже приветствуется, – мрачно подтвердил шаман.

– Ну и прекрасно. Я все равно не интересую тебя как женщина. А за свою ученицу нужно отвечать, я боюсь одна остаться в незнакомом месте!

– Хорошо, будь по-твоему, – сдался Шаардан. – Давай сохраним связь. Только прошу, никому не рассказывай. Пусть это будет нашим секретным оружием.

Мне показалось, или на его лице мелькнуло облегчение?

Я не стала разбираться, а побежала в гэр – наряжаться.

Глава 10. А в бубен?

Шамханская женская мода мне определенно нравится. И ткани шикарные, и расцветки чудесные, и фасончик очень удобный. Сначала я натянула широкие шаровары из струящегося изумрудного шелка (трусы снова не выдали, кстати!). Потом – полупрозрачную белую сорочку без рукавов с тонкой розовой вышивкой по глубокому, едва ли не до пупа вырезу. Дальше – халат с широкими рукавами до локтя, нежно-зеленый, расшитый шелковыми цветами, розовыми и желтыми. Поверх всего этого – темно-зеленый с золотом пояс. На ноги – те самые туфли с пряжками.

Теперь украшения, коих мне тоже прислали много. Серьги, браслеты, два перстня, несколько тонких золотых цепочек, похожее на ошейник кожаное кольцо, густо расшитое золотыми и зелеными бусинами.

– Шаардан, а это зачем? – я повертела в руках длинную цепочку с монетками.

– В волосы вплетается. Помочь?

– Ой нет, – испугалась я.

Волосы были в ужасном состоянии, сухие, ломкие, спутанные. У шамана был свой гребень, я просила, но он не дал, сказал, нельзя такие вещи передавать, опасно. В волосах человека – особая сила. Я, помню, только плечами пожала и кое-как расчесалась пальцами. А после просто завязала ко-

жаным шнурком небрежный хвост и не парилась. Теперь же расстроилась. Хотелось быть красивой полностью, а не частично. Если я еще и цепочку вплету, то придется бриться наголо, чтобы ее потом выпутать.

Поняв мою проблему, Шаардан не стал потешаться, а наоборот, предложил изящный выход.

– Соберем волосы под шарф, – и жестом фокусника извлек из мешка широкую полосу тонкой бледно-розовой ткани. Странно, я только что там копалась и ничего подобного не видела. Только ленты и еще парочка сорочек.

Быстро и ловко Шаардан соорудил на моей голове что-то вроде тюрбана. Я потрогала и осталась довольна.

– А зеркало у вас уже изобрели? – уточнила на всякий случай.

– Конечно. Во дворце много зеркал. Тебе понравится. Ты выглядишь роскошно, Дара.

– Спасибо.

– Они уже близко, даже поесть не успеешь.

– Тебе духи сказали, или сам почувствовал?

– Услышал, – тихо засмеялся шаман. – Лошади же ржут.

Я прислушалась и поняла, о чем он. Станные, непривычные звуки. Его Звездочка никогда не ржала, прилетала всегда бесшумно. И я никогда не видела ее пасущейся в траве. Она вообще лошадь или тоже какой-то дух? Спросить не успела, потому что Шаардан с серьезным видом заглянул мне в глаза и напомнил:

– Никого и ничего не бойся. Ты – самая сильная колдунья из всех, кого я встречал. Ты достойна почтения. Если что, зови меня по имени. Я услышу.

Я прикусила губу. Было страшно, но ровно до тех пор, пока он не впихнул мне в руки бубен.

– Вот, возьми. Это сильный артефакт. Он тебе пригодится.

– Да ты что! Тебе нужнее!

– Я смастерю еще, – отмахнулся Шаардан. – А тебе будет спокойнее.

Не стала выделываться, забрала артефакт и сунула в мешок, где оставались еще мои подарки. Туда же упала цепочка для волос. А больше у меня, как оказалось, ничего и не было.

– Пора, – тихо сказал Шаардан.

И мы вышли к костру. Тех, кто за мной приехал, было трое. Высокие, крупные, светлоглазые. Один – в белом. Двое – в серых одеждах. У всех на боках сабли. А больше я ничего толком не разглядела, потому что лица их были закрыты платками. Даже возраст не угадать. А лошадей было четыре. Одна, видимо, для меня.

– Сайд Шаардан, приветствуем, – густым голосом поздоровался один из мужчин. – Сайдэ Дара готова?

– Да, ее можно забирать.

– А вы?

– Я пока останусь тут.

Шаардан держался совершенно свободно, а вот мужчины рядом с ним склоняли голову и даже сутулились. Не кланялись, не падали на землю, но видно было, что боялись.

– Сайдэ берегите в пути, она плохо ездит верхом.

– Да, сайд. Конечно.

– Вот ее вещи. Я сам посажу Дару на лошадь.

Руки у меня дрожали. Оглянулась на Шаардана и решилась:

– Я кое-что забыла. Поможешь найти?

Он взглянул удивленно, но послушно проследовал за мной в гэр.

– Хочешь что-то спросить?

– Ну почти.

Я подошла вплотную, положила ладони ему на плечи. Поднялась на носочки и потянулась к губам. Мой первый поцелуй – и я хочу разделить этот миг с Шаарданом. Потому что он мне ужасно нравится, потому что я почти влюблена. В конце концов, уже давно пора узнать, что это такое!

– Дара... – тихо выдохнул шаман, осторожно скользя руками по моей спине. – Не нужно нам...

А потом сам прильнул ко мне. Обхватил крепко – одна ладонь на затылке, другая обжигает поясницу. Губы в губы. Душа к душе. Я боялась, что будет странно, некомфортно, быть может даже противно, но вот чего совершенно не ждала, так это того, что провалюсь в него по самую макушку. Чужое волнение закрутилось темной хмельной воронкой. Он

хотел этого не меньше, чем я. И представлял не реже, чем я. Наши мысли сплелись в клубок, и теперь я познала все его сомнения и желания. А он почувствовал всю меня, от пылающих губ до немеющих кончиков пальцев.

Это был не поцелуй, а что-то большее.

А потом мы оторвались от друга, и я уловила смутное, потаенное: “Как мало нам дали времени. И как бездарно мы его потратили!”

Слов больше не осталось. Молча мы вышли к воинам. Молча шаман посадил меня на лошадь: тонконогую, белую, без единого пятнышка. Молча задержал ладонь на бедре. Я долго еще чувствовала ее жар.

– Пора, – уронил воин в белом.

– Да будет ваш путь спокоен. Пусть духи хранят вас.

– Благодарю, шайд.

Мы медленно двинулись в путь. Спустя пару минут я не выдержала, обернулась и обомлела. Больше не было никакой травы, исчезли цветы, бабочки и птицы. Только песок позади, только потрескавшаяся от зноя земля. Белый купол гэра смотрелся на ней как нечто лишнее, чужеродное.

– Господа, – испуганно спросила я. – Вы видели луг? И зелень?

– Нет, сайдэ, – ответил сумрачно тот, что в белом. – Су-лать год как пересохла. Нет в Шамхане ничего зеленого. Но хвала предкам, три ночи шли дожди. Засуха, похоже, окончилась. Скоро пустыня зацветет. Добрый знак.

Я прикусила губу и снова оглянулась. Вот ты какая, магия шамана! Или – заповедное место?

– А вы видели траву, сайдэ?

– Да. Прекрасную долину, цветы, бабочки. В реке была рыба, в поле куропатки.

– Много я бы отдал, чтобы вновь искупаться в Сулати.

Мы замолчали. Солнце стояло высоко, было безумно жарко. Воздух над песком дрожал и клубился. И все же кое-где в трещинах блестели капли воды, и уже начала пробиваться трава. Это моя заслуга. Это я вызывала грозы.

Волосы под шарфом взмокли от пота. В горле першило. Страшно хотелось пить.

– Господин... не знаю вашего имени...

– Алхар, сайдэ. Без господин, просто Алхар. Я ваш покорный слуга.

– Мы можем где-то остановиться?

– Да, конечно. Сейчас?

– Да.

Алхар махнул рукой, и его безмолвные серые тени послушно замерли. Я нервно сдернула с себя все украшения, которые уже нагрелись на солнце так, что обжигали кожу. Сунула все в мешок. Глотнула теплой воды из протянутой воином кожаной фляги. Подумав, размотала шарф на голове и закрыла нос и рот, оставляя открытыми только глаза.

– Можно ехать дальше.

– Слушаюсь и повинуюсь, сайдэ.

Воду не экономили, но пили на ходу, на привалы не останавливались, спешили. Очевидно, мои сопровождающие не хотели ночевать под открытым небом. Мне было крайне некомфортно. Если мужчины просто пару раз отстали, а потом как ни в чем не бывало нагнали наш маленький караван, то у меня такой возможности не было. Я смогла преодолеть смущение только однажды, когда проезжали мимо небольшой засохшей рощицы. Хоть какое-то укрытие. Пока пряталась, заметила робкие зеленые побеги. Нужно еще дождя.

И поэтому, когда мы приблизились к какому-то населенному пункту, я решительно достала из мешка бубен. Без Шардана я еще не колдовала, но была уверена, что справлюсь.

– Сайдэ? Вы бы сначала поели...

– Успею. Идите, устраивайтесь, я быстро.

Села прямо на еще горячую землю, скрестила ноги, ударила в бубен – громко, весело. Духи любят музыку, это я уже знала. И тихо замурлыкала немудреные куплеты.:

– Дождик, лей-лей-лей, на меня и на людей.

Сочинять сама больше не пыталась. Как оказалось, для колдовства вполне годились русские песни, а их я помнила – у отца было немало старых дисков и даже кассет. И радио Ретро постоянно играло. Репертуар у меня был неплох: “Лей, ливень, не жалей”, и “Я снова слушаю дождь”, и даже “По-дожди, дожди, дожди”. Слова я, конечно, не все помнила, но и тех, что знала, мне хватило для того, чтобы начали стяги-

ваться тучи, зашумел ветер и на землю упали тяжелые капли.

Поднялась, отряхнула бедра и спокойно пошла в деревню, на краю которой столпилось уже довольно много людей. На смуглых лицах я разглядела и страх, и восторг. Все кланялись мне, какая-то женщина даже заплакала.

Какая экзотика, однако! Я такие домики только в интернете и видела! Маленькие, квадратные, с плоской крышей. Все белые, точнее, были когда-то белыми. Близко-близко друг к другу лепятся, какие-то даже крышами касаются. А некоторые соединены сверху мостиками, наверное, родственники так живут.

– Сюда, сайдэ, – окликнул меня Алхар.

В одном из небольших каменных домов меня ждал ужин. Судя по всему, трапезничать мне предстояло одной. Низкий потолок, невысокий круглый стол, подушки рядом. На большом металлическом блюде – рис, жареная курица, какие-то овощи. В глиняной кружке – травяной отвар. Умыться бы для начала! Я вся потная, пыльная.

Только подумала, как в комнату заглянула юная девушка лет пятнадцати на вид в простом белом платье. И с большим кувшином в руках.

– Сайдэ, я буду вам служить. Садитесь скорее на скамейку.

Возле моих ног был поставлен тазик. Девчушка попыталась снять с меня обувь, я воспротивилась.

– Я сама! Не нужно мне ноги мыть.

– Но вы гостя и колдунья! Наша спасительница! Для ме-

ня честь!

– Как тебя зовут?

– Элиша.

– Элиша, милая, найдется гребень? Мне бы волосы заплести.

– Это я мигом.

Девушка убежала, а я умылась в тазу. Надо же, я ведь ненамного ее старше, а чувствую себя совсем взрослой. С чего бы это? Может, потому, что у меня есть магия? Или из-за того, что все смотрят на меня с таким восторгом и благоговением?

Потом я с удовольствием ужинала, а Элиша расчесывала мои волосы. Перебирала долго, аккуратно, постоянно извиняясь. Видимо, дело было хуже, чем я думала. Заплела косу, помялась и тихо спросила:

– Если сайдэ пожелает себе мужчину на ночь, то осмелюсь предложить своего брата. Он красив и искусен в любви.

Вот такого я точно не ожидала! Растерялась, ляпнула не думая:

– Рехнулась? А в бубен?

Девчушка побелела и рухнула на колени. Уткнулась головой в пол, всхлипнула:

– Простите, сайдэ! Не нужно в бубен!

– Ой все. Где можно лечь спать? Одной, конечно же.

– Или на крыше, или прямо здесь. Принести постель?

За окном мягко шелестел дождь. В эту ночь никто не будет

спать на крыше, я думаю.

– Неси, – согласилась устало.

Тяжелый день подошел к концу. Элиша поклялась собственной жизнью, что ночью никто меня не потревожит, и я осмелилась раздеться до сорочки. Растянулась на мягких одеялах, мысленно потянулась к Шаардану.

– У меня все хорошо. Легла спать.

– Вижу дождь. Умница. Горжусь, – тут же прилетело в ответ.

Ждал, волновался – это я тоже почувствовала. Как славно знать, что в этом мире кто-то искренне за тебя переживает!

– Шаардан! – вспомнила я.

– Что, голубка?

– Выражение “щас как дам в бубен” в вашем мире что-то значит?

Тихий смех.

– Да. Одним ударом можно наложить на человека проклятье. Или благословение. Постарайся не злоупотреблять.

– Ладно, ладно, поняла, – зевнула я. – Доброй тебе ночи.

Глава 11. Новая роль

Демонстрация шаманских навыков произвела на моих сопровождающих неизгладимое впечатление. Они и раньше относились ко мне с уважением, но теперь даже тон Алхара поменялся: в нем звучало нескрываемое почтение. Меня не разбудили утром, я проснулась сама, когда солнце стояло уже высоко. И завтрак предложили роскошный: кашу, хлеб, сыр, мед, копченое мясо, сушеные фрукты и ягоды. Настоящий пир. Кофе только не было, а без кофе я еще долго носом клевать буду. Да и ем я по утрам немного, так что напрасно старались.

– Сайдэ... – тихо, с поклоном произнес Алхар, когда я, жмурясь и зевая, вышла к лошадям. – Народ просит принять их дары и благословить деток.

– Чего?

– Дары. Золото там, алмазы.

– Я про детей, – закатила я глаза. – Я ведь совсем неопытный... эээ... шаман. Можно даже сказать, что ненастоящий пока.

– Сайдэ, вас духи признали. Вы не можете быть ненастоящим шаманом.

– С чего такие выводы?

Ладно я по утрам, да после вызова дождя соображаю туго, а он-то с чего тупит? Должен ведь понимать, что я вообще

недавно в этом мире и совершенно не разбираюсь в местных традициях!

– Вы же сами сказали, что там, в ДУховой степи, траву видели. И реку. И птиц слышали. А никто, кроме шаманов, не слышит. Мы все видим лишь пустыню. А еще любой, кто там ночь проведет, с ума сходит... Вы же не сошли.

Так вот в чем секрет! Я даже не удивилась. Особое место, выходит. Ничуть не более странно, чем долина теней. И чем переход из одного мира в другой.

Я оглянулась. Из-за домов выглядывали люди. Золото и алмазы, говорите? Да откуда? Дома хоть и каменные, но маленькие. Этакie студии. Кухня-спальня-гостиная в одном. Местные жители хоть и одеты не в лохмотья, и на вид не голодают, но на богачей не похожи. Труд шамана, конечно, должен быть оплачен, но тут как раз такой случай, что ночлега и кормежки вполне достаточно.

– Сайдэ? – Алхар ждал моего ответа. Могла ли я отказать?

– Я не умею никого благословлять, я больше по проклятиям, – буркнула угрюмо. – Но попробую.

– Благодарю, высокочтимая!

Ух ты, какой стремительный карьерный взлет! Позавчера я была ученицей, вчера – сайдэ, то есть ученая госпожа, а сегодня – высокочтимая. Выше – только местная власть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.